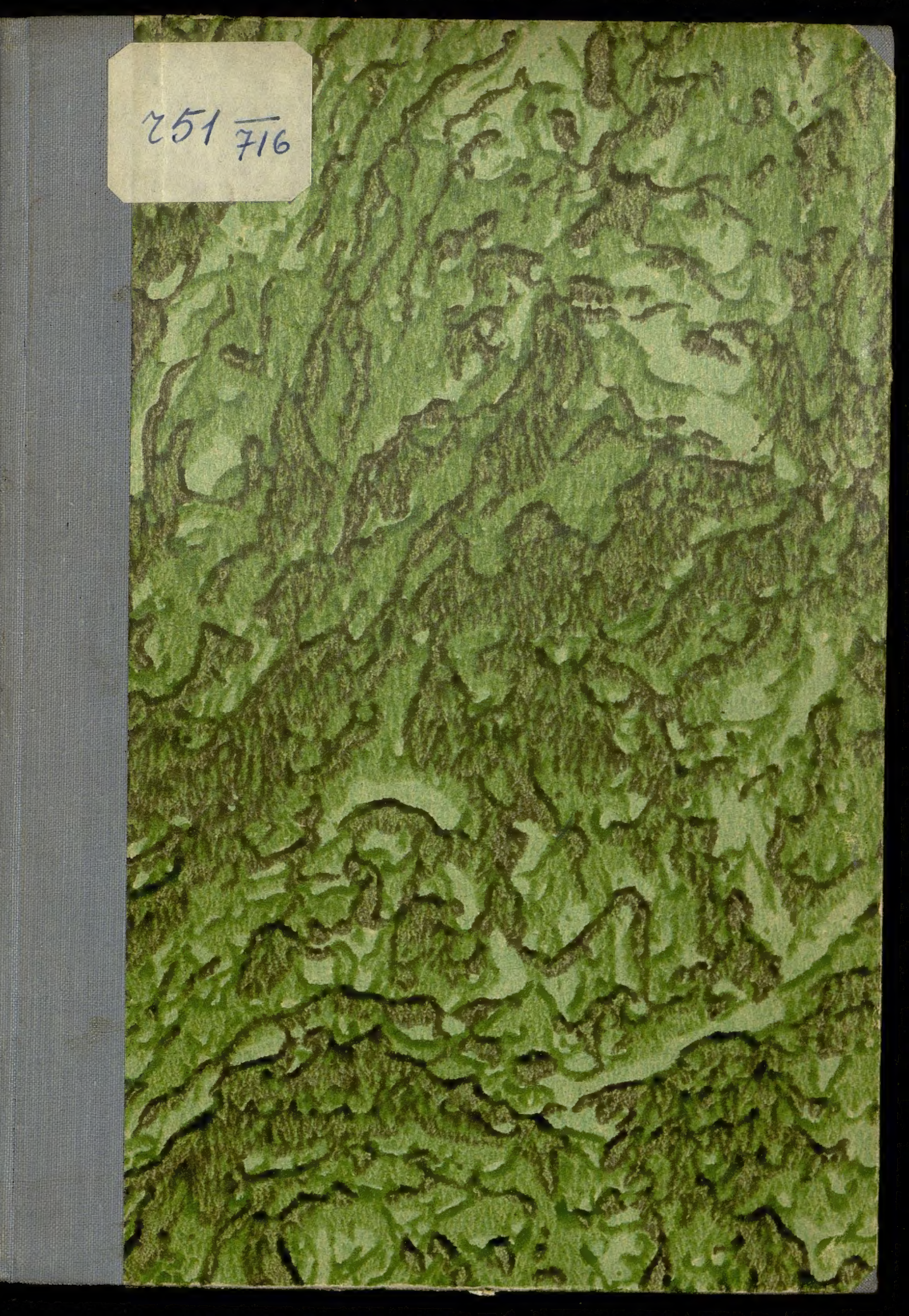
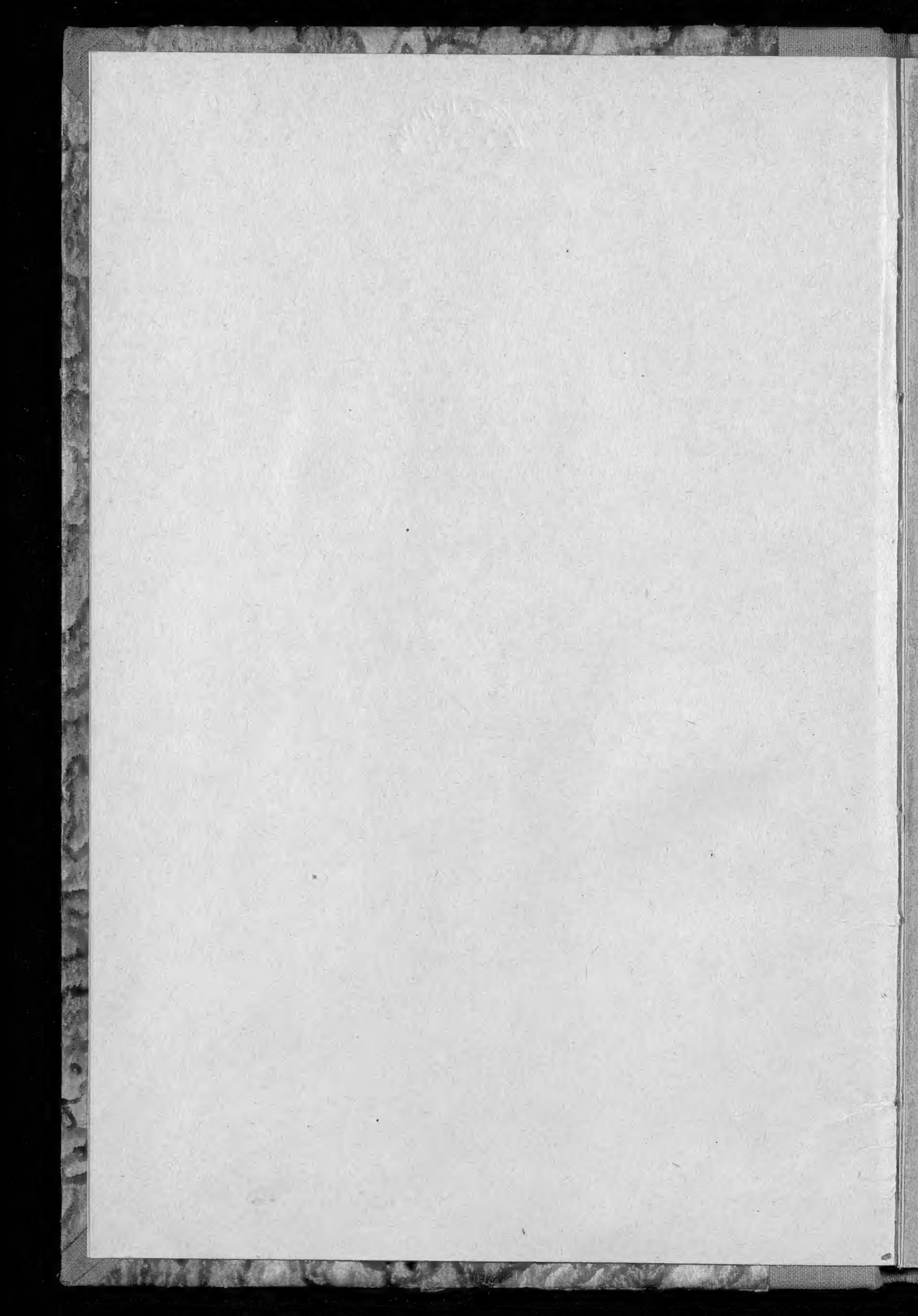

251 716

Д. Зеленинъ

ЧЕРТЫ БЫТА УСЕНЬ-ИВАНОВСКИХЪ СТАРОВѢРОВЪ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1905.

Д. Зеленинъ.

ЧЕРТЫ БЫТА УСЕНЬ-ИВАНОВСКИХЪ СТАРОВѢРОВЪ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1905.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь К. Харламповичъ.

ЧЕРТЫ БЫТА УСЕНЬ-ИВАНОВСКИХЪ СТАРОВѢРОВЪ.

Мѣсяцъ май 1904 года я пробылъ въ Усень-Ивановскомъ „заводѣ“ белебеевскаго уѣзда въ качествѣ вольнаго „кумызника“, т. е. пьющаго башкирскій „кумызъ“. Своимъ пребываніемъ здѣсь я воспользовался также и для этнографическихъ цѣлей, а именно для изученія быта мѣстныхъ старовѣровъ. Обстоятельства мнѣ благопріятствовали: я жилъ въ крестьянской избѣ, въ домѣ, хозяйка котораго была одною изъ самыхъ ревностныхъ старообрядокъ; мой пріѣздъ и мое пребываніе въ „заводѣ“ не вызывали среди мѣстныхъ крестьянъ какихъ-либо недоумѣній, а напротивъ были имъ вполнѣ понятны: въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ Усень-Ивановѣ ежегодно бываютъ пріѣзжіе *кумызники*, иногда даже до 300 человѣкъ въ лѣто.

Относясь, какъ и всегда, съ полнымъ уваженіемъ къ обычаямъ и убѣжденіямъ, не исключая и „суевѣрій“ народа, я скоро пріобрѣлъ довѣріе *заводскихъ* (такъ зовутъ себя усеньчане). Они ничуть не скрывали отъ меня своего житья-бытья, охотно говорили со мною о своей вѣрѣ. Черезъ эти разсказы я могъ ознакомиться и съ такими чертами быта усеньчанъ, которыя наблюдать непосредственно не имѣлъ возможности или случая, наприм. съ зимними бесѣдками, со свадьбами и т. п.

Больше всего я пользуюсь разсказами крестьянина Ив. Петр. Мичурина, 52 лѣтъ отъ роду, въ домѣ котораго я жилъ, а также его жены Офимьи и ихъ сосѣдей—Алексѣя Ѳедот. Кирьянова и другихъ.

Полнаго описанія быта усеньчанъ однако дать не могу: для такого описанія нужно наблюдать бытъ извѣстной мѣстности не въ продолженіе одного мѣсяца, а въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Кромѣ того, черты быта, общія для всѣхъ сѣверно-великоруссовъ и вообще болѣе извѣстныя, я сознательно не описываю, касаясь только болѣе или менѣе оригинальныхъ чертъ.

Въ нашей литературѣ очень немного объективныхъ этнографическихъ описаній старообрядческаго населенія,—уфимская губернія, поскольку она населена русскими, почти совершенно не изучена. Между тѣмъ, переселившіеся сюда, особенно въ XVIII вѣкѣ, русскіе попадали здѣсь въ новыя, оригинальныя условія, подвергались нѣкоторому вліянію своихъ сосѣдей—башкиръ. Подъ вліяніемъ этихъ условій ихъ бытъ выливался въ новыя формы, въ характерѣ вырабатывались новыя черты.

Всѣ это и даетъ мнѣ надежду, что мое краткое описаніе быта усень-ивановскихъ крестьянъ не окажется лишнимъ.

I. Географическія свѣдѣнія. Усень-Ивановскій заводъ расположенъ въ белебеевскомъ уѣздѣ уфимской губерніи, въ 18 верстахъ отъ своего уѣзднаго города къ сѣверо-востоку. Линія самаро-златоустовской желѣзной дороги проходитъ также въ 18 верстахъ отъ завода; ближайшая станція „Глуховская“.

Рѣка *Усéнь*, въ верховьяхъ которой стоитъ заводъ (получившій отъ этой рѣки и свое имя) впадаетъ въ р. Икъ, притокъ р. Камы. Но неподалеку берутъ свое начало рѣчки, впадающія въ р. Дёму, притокъ р. Бѣлой. Проходящіе здѣсь отроги Уральскихъ горъ служатъ водораздѣломъ этихъ двухъ рѣчныхъ бассейновъ.

Въ Усень-Ивановскомъ заводѣ имѣется волостное правленіе, земская школа, библіотека-читальня попечительства о народной трезвости. Здѣсь же квартира лѣсного ревизора усень-ивановскаго лѣсничества (кругомъ завода много лѣсовъ).

Православной церкви нѣтъ: заводъ приписанъ къ приходу села Котузы́, Знаменское тожъ (въ 7 вер.). Есть „ука́зная“ старообрядческая часовня и двѣ „частныхъ“ моленныхъ.

Кругомъ „завода“ разсѣяны *башкирскія* деревни. Нѣсколько башкиръ живутъ въ самомъ заводѣ, на квартирахъ у русскихъ крестьянъ; лѣтомъ башкиры, поставщики кумыса пріѣзжимъ кумысникамъ, арендуютъ луга около завода и живутъ здѣсь въ своихъ кочевкахъ. Усеньчане нанимаютъ башкиръ на разнаго рода работы, арендуютъ у нихъ землю. Такимъ образомъ, сношенія съ башкирами существуютъ и теперь. Но прежде, когда усеньчане работали на заводѣ и въ рудникахъ, эти сношенія были гораздо тѣснѣе. Тогда многіе усеньчане умѣли говорить побашкирски. Теперь говорятъ только рѣдкіе старики. Изъ русскихъ сосѣдей самыя близкія сношенія у усеньчанъ съ старовѣрами Троицкихъ заводовъ: Верхне-Троицкаго (или Кидаша) и Нижне-Троицкаго, расположенныхъ въ 40—45 вер. отъ Усеня. Между усеньчанами и троицкими довольно часты взаимные брачные союзы. По своему быту жители Троицкихъ заводовъ ничѣмъ не отличаются отъ усеньчанъ, только первые нѣсколько „образованнѣе“ послѣднихъ.

Съ жителями гор. Белебея и окрестныхъ русскихъ деревень и селъ усеньчане почти никакихъ сношеній не имѣютъ, исключая рѣдкихъ коммерческихъ сдѣлокъ. Жителей селеній Верхне-Троицкой волости: с. Марьянъ (Елисаветино), дер. Александровка, дер. Анновка, дер. Екатериновка и дер. Константиновка, переведенныхъ помѣщикомъ изъ тульской (?) губерніи, усеньчане, вмѣстѣ съ троицкими старовѣрами, называютъ *„надызами“* и склонны считать этихъ „надызовъ“ даже нерусскими.

II. Изъ исторіи завода. Усень-Ивановскій заводъ основанъ около 1760 года балахнинскимъ купцомъ Иваномъ Осокинымъ (См. *Рычковъ*, Топографія Оренбургской губ., 1887) на мѣстѣ башкирской деревни Кязанлы́. Послѣдняя

была переведена отсюда за 8 верстъ, а на ея мѣсто поселены Осокинымъ русскіе крестьяне.

Въ памяти усень-ивановскихъ стариковъ сохранились лишь слѣдующіе факты. Прежде въ заводѣ были улицы: 1) *Городецкая* и 2) *Шуранская*. Въ первой жили выселенцы изъ какого-то Городца, во второй — изъ с. Шурана, что́ на р. Камѣ. Были ли еще переселенцы изъ какихъ-либо другихъ мѣстъ, равно: изъ какого городца [1]) поселились обыватели бывшей Городецкой улицы, на эти вопросы никто изъ усеньчанъ мнѣ отвѣтить не могъ.

Для меня представляется несомнѣннымъ, что метрополіею Городецкой улицы на Усенѣ было старинное село Городецъ на Волгѣ, въ балахнинскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи, извѣстный старообрядческій центръ (у Даля приводится пословица: „какъ положатъ на Рогожѣ, т. е. въ Рогожскомъ кладбищѣ, такъ быть въ Городцѣ, а *какъ на Городцѣ, такъ и на всемъ крещеномъ міру*“). Балахнинскіе купцы Осокины были ревностными старообрядцами; по П. И. Мельникову („Въ лѣсахъ“, II, 16), изъ ихъ рода происходила знаменитая игуменья комаровскаго скита (позднѣйшей „обители Разсохиныхъ“) Манефа Старая; Мельниковъ еще сообщаетъ, что когда Осокины, сдѣлавшись дворянами, „откинулись“ отъ этого скита, то обитель обѣднѣла. Объ Иванѣ Осокинѣ до сихъ поръ сохранилась среди усеньчанъ самая лучшая память, хотя никто изъ живыхъ теперь усеньчанъ его не видѣлъ. „Ангелу“ основателя завода Іоанну Предтечѣ посвященъ престолъ въ мѣстной старообрядческой часовнѣ (откуда и самое имя завода).

Можно думать, что Осокину не приходилось покупать крестьянъ. За богатымъ „столпомъ“ старой вѣры, вѣроятно, съ удовольствіемъ шли старообрядцы въ богатый уфимскій

---

[1]) Крестьяне понимаютъ *городецъ* въ смыслѣ нарицательнаго имени («городокъ»).—Въ настоящее время улицъ съ этими именами въ заводѣ нѣтъ.

край, о привольной жизни въ которомъ тогда ходили преувеличенные слухи.

Основанный Осокинымъ на Усенѣ мѣдноплавильный заводъ работалъ въ продолженіи цѣлаго столѣтія (послѣ Осокина онъ принадлежалъ помѣщику Бенардаки); послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости работы на заводѣ продолжались еще, по вольному найму, года два, послѣ чего заводъ окончательно прекратилъ свое существованіе. Въ настоящее время отъ него сохранились только громадныя груды мѣднаго шлака, извѣстнаго у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ *сокъ* или *соковйна.*

Изъ позднѣйшей исторіи Усень-Ивановскаго „завода“ можно отмѣтить только большой пожаръ въ іюлѣ 1892 года, когда выгорѣла по крайней мѣрѣ третья часть всего селенія. За годъ или за два до этого пожара на Усень стали пріѣзжать кумысники, привлекаемые прекраснымъ мѣстоположеніемъ „завода“ и дешевизною жизни. Горы и степь, прекрасный лѣсъ, какъ лиственный лѣсъ, такъ и сосновый, умѣряющіе лѣтнюю жару холодные ключи,—все это, дѣйствительно, дѣлаетъ Усень-Иваново прекраснымъ кумысолѣчебнымъ пунктомъ. Вятское учительское общество нашло этотъ „курортъ“ самымъ удобнымъ мѣстомъ для лѣченія своихъ членовъ и въ послѣдніе годы устраиваетъ здѣсь по лѣтамъ свою столовую для вятскихъ учителей; вятское губернское земство думаетъ арендовать здѣсь луга и построить „кумыски“.

III. Статистическія данныя. Фамиліи и имена. По подсчету, произведенному усень-ивановскимъ волостнымъ правленіемъ въ концѣ апрѣля и началѣ мая 1904 г., въ „заводѣ“ на жительствѣ оказалось 7470 человѣкъ. Одновременно былъ подсчитанъ домашній скотъ; но для распредѣленія жителей по полу и возрасту ничего не было сдѣлано.

Очень многіе изъ мѣстныхъ крестьянъ доживаютъ до глубокой старости. У двухъ стариковъ: Лифантея Персйцкова и Петръ Макарыча Мичурина есть уже пра-

правнуки; „изъ родства вышли“, выражаются усеньчане про этихъ патріарховъ (праправнукъ въ пятой степени родства, въ какой степени уже дозволяются браки). Лифантею около 90 лѣтъ, это еще очень бодрый, даже бойкій старикъ; почти каждое воскресенье ходитъ въ часовню „за часы“ и „за“ другія службы; у него въ живыхъ только 10 потомковъ, въ томъ числѣ 1 сынъ и 2 внука. Прадѣдовъ въ „заводѣ“ больше 10; имъ большею частію около 80 лѣтъ.—Нѣкоторыя женщины родили за свою жизнь по 15—20 дѣтей.

Вдовцовъ въ „заводѣ больше, чѣмъ вдовъ.

Фамиліи. Изъ числа крестьянъ—домохозяевъ человѣкъ у 10 въ „заводѣ“ нѣтъ фамилій; зовутъ ихъ по отцу: *Па́вловъ*, *Гурья́новъ* и т. п. Для дѣтей ихъ это будутъ уже фамиліи.—Возможно, что такимъ именно образомъ произошли распространенныя здѣсь фамиліи: *Кирья́новъ*, *Мичу́чинъ* (*Мичу́ра* уменш. отъ христіанск. имени Никифоръ), *Митюго́въ*, *Саве́льичевъ.*

Перси́цковы: „изъ Персіи, говорятъ, и вышелъ“,—объяснялъ мнѣ Ив. Мичуринъ.—Подобнаго же происхожденія, вѣроятно, фамиліи: *Бѣлозёровъ* и, быть можетъ, *Воло́цковъ.*

Отъ промысловъ ведутъ начало фамиліи: *Краси́льниковъ*, *Ямщико́въ.*

Отъ прозвищъ нужно выводить: Гну́синъ, Скорохо́довъ, Квашни́нъ, Горюхинъ, Шу́бинъ, Ба́харевъ, Мяки́нновъ, Глазуно́въ, Неклеёновъ, Ва́ренцовъ, Бу́бновъ, Бугро́въ, Сморо́динъ, Зори́нъ, Полово́довъ, У́ховъ, Смирно́въ.

Нерусскаго происхожденія фамиліи: Коте́говъ (финское?); Басма́новъ, Угла́новъ, Мала́ховъ (?), Пыжья́новъ.

Самыя распространенныя фамиліи: Кирья́новъ, Пыжья́новъ, Квашни́нъ.

Про́звища мужиковъ: Яша *Сѣрякъ* (по сѣрымъ волосамъ), *Волкъ*, *Емура́нко* (башкирское названіе суслика), *Курма́шъ* (прозвища дурачка, сдѣлавшееся, въ устахъ мальчишекъ, бранным словомъ, синонимомъ слова: дуракъ).

Изъ личныхъ *уменшительныхъ* (христіанскихъ) именъ заслуживаютъ быть отмѣченными. *Пе́рша*—Перфилій; сыновья Перфилія извѣстны подъ именемъ: *Пе́ршины* (такого-же, конечно, происхожденія очень широко распространенная среди великоруссовъ фамилія *Пе́ршинъ*); *Олёкса*—Алексѣй; Александръ, *Си́тя, Си́тька*—Сидоръ, *Не́ська*—Несторъ, *Гу́рька*—Гурьянъ (т. е. Гурій?); *Про́ня*—Прокопій, *Евтей*—Евтихій, *Свистія́нъ*—Севастіанъ. Изъ женскихъ именъ: *Ла́па, Лупа́ня*—Олимпіада. По мужу зовутъ женщинъ (срв. ниже главу XVIII): Пе́тиха, Евтю́ниха,Они́симиха, Авра́миха; по отцу; Гаври́льевна. Неяснымъ осталось для меня имя (или прозвище?) *Елпести́ньга.*

IV. **Физическій типъ** населенія изучался мною только мимоходомъ, причемъ въ этомъ отношеніи пользовался свѣдѣніями, сообщенными мнѣ Иваномъ П. Мичуринымъ и его дочерьми, прекрасно знающими всѣхъ „заводскихъ“.

Самъ Ив. Мичуринъ ходилъ въ солдаты (служилъ только 8 мѣсяцевъ), и знаетъ свой точный *ростъ*, а именно: 2 арш. 4 $^5/_8$ вершка. Выше своего роста онъ насчиталъ въ „заводѣ“ 35 мужиковъ; это все „настоящіе люди“, т. е. довольно толстые; есть еще двое высокихъ да тонкихъ, оба по фамиліи Митюго́вы; ихъ Мичуринъ за „настоящихъ людей“ не считаетъ. Ростъ многихъ изъ этихъ 35 достигаетъ 2 арш. 8 вершковъ.

Низкорослыхъ Мичуринъ насчиталъ 8 человѣкъ; нѣкоторые изъ нихъ не вышли въ солдатскую мѣрку (2 арш. 2 вершка); а другіе чуть-чуть выше этой мѣрки.

Ростъ самого Мичурина, т. е. 2 арш. 4—5 в.—самый обычный въ „заводѣ“: „и крупнѣе мало, и мельче мало“.

По цвѣту волосъ. Красно-рыжихъ въ заводѣ 7 мужиковъ (въ томъ числѣ вся фамилія Скороходовыхъ); глаза у нихъ синіе.

Преобладающихъ типа два: 1) темно-русые и черные и 2) блондины. Первыхъ больше (немногимъ). Мичурины—

брюнеты; всѣ предки ихъ также имѣли черные волосы. (Эта фамилія переселилась изъ Городца).

Сѣдѣютъ всѣ поздно, послѣ 50 лѣтъ.

У женщинъ увидать волосы трудно: „простоволосыми" онѣ не ходятъ. Среди дѣвушекъ больше русыхъ, свѣтлорусыхъ или съ какими-то почти сѣрыми волосами.—Среди дѣтей очень много бѣловолосыхъ, веснушчатыхъ.

Кудри—большая рѣдкость.

Типъ брюнетовъ вообще не мясистъ, даже худощавъ, хотя встрѣчаются „стоповатыя", т. е. коренастыя лица. Глаза у нихъ большею частью тоже черные. Небольшая голова, но большая (по сравненію съ блондинами) борода. Дальнозоркіе (тогда какъ среди блондиновъ я чаще встрѣчалъ близорукихъ).

Блондины вообще толще. Борода у нихъ меньше. Глаза сѣрые или голубые; крайне рѣдко черные. Блондинъ съ черными глазами считается красавцемъ.

Нѣкоторые изъ блондиновъ довольно рано плѣшивѣютъ, со лба.

Женщины и дѣвушки большею частію толстыя. Часто встрѣчается вспученный животъ. Сильно развитыя груди. У дѣтей тоже вспученный животъ.

Какъ у женщинъ, такъ и мущинъ лица вообще круглыя; однако „шаньгой" не смотрятъ: въ противоположность тѣлу женщинъ, ихъ лица вообще не толстыя.

Мелкія черты лица дѣлаютъ здѣшнихъ женщинъ вообще некрасивыми. Я видѣлъ на Усенѣ только двухъ-трехъ дѣвушекъ, которыхъ можно назвать красавицами. Ихъ лица нѣсколько больше обычныхъ въ „заводѣ"; овальныя. Черты лица крупнѣе; прямой носъ. Обѣ съ русыми волосами и голубыми глазами. Эти дѣвушки слывутъ красавицами и среди „заводскихъ".

Некрасиво вообще населеніе „завода" по цвѣту лица— плодъ сухого климата, врага „свѣжести" кожи. Климатомъ же, вѣроятно, объясняется своеобразный—прозрачный и вмѣстѣ

сѣроватый, словно выцвѣтшій оттѣнокъ бѣлой оболочки глаза и какъ-бы съуженные зрачки. Я сначала было думалъ, что имѣю передъ собою больныхъ глазами. Этотъ оттѣнокъ глазной оболочки появился и у меня, когда я жилъ на Усенѣ, и исчезъ послѣ отъѣзда оттуда.

Походка почти у всѣхъ мужиковъ съ переваликой.

Коснусь еще одного, рѣдко встрѣчающагося на Усенѣ типа, который очень напомнилъ мнѣ осинскихъ и другихъ прикамскихъ крестьянъ, въ крови которыхъ много финской (пермяцкой) крови. Таковъ парень Савельичевъ: русый, съ отвислыми щеками, большимъ ртомъ и нѣсколько косыми глазами.

Изъ *болѣзней* на Усенѣ встрѣчается чахотка, едвали заимствованная только отъ кумысниковъ, а туземная. Ею больны нѣсколько семействъ. Про однихъ крестьяне говорятъ: „у нихъ уже племё такое"; болѣзнь другихъ объясняютъ тѣмъ, что они прежде дѣлали фосфорныя спички. По словамъ мѣстнаго земскаго врача г. Соколова, въ „заводѣ" имѣлъ мѣсто только одинъ случай зараженія чахоткой отъ кумысниковъ О болѣзняхъ см. еще главу XV.

V. Занятія. Пока мѣдноплавильный заводъ на Усенѣ функціонировалъ, усеньчане совсѣмъ не занимались земледѣліемъ. Они работали въ рудникахъ и на зоводѣ. Рудники были далеко отъ завода, въ степи. Для работы въ рудникахъ выбирали большею частію изъ большихъ семей. Работали тамъ только мущины. Кто побогаче, тотъ нанималъ вмѣсто себя башкиръ. Единственная полевая работа, которою усеньчане занимались до закрытія завода, была косьба сѣна.

Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщикамъ стало не выгодно поддерживать мѣдноплавильный заводъ, находящійся такъ далеко отъ рудниковъ. Заводъ прекратилъ свою дѣятельность. И усеньчане принуждены были взяться за земледѣліе. На первыхъ порахъ, какъ помнятъ старики, было трудно: ничего не умѣютъ дѣлать.

Нанимали башкиръ. Потомъ привыкли. Теперь сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ, просо, ленъ. Земли имѣютъ по 5 десятинъ на ревизскую душу; кромѣ того, арендуютъ „въ казнѣ“ и у башкиръ. Земля черноземъ, „плотикъ“ (т. е. плотная, тяжелая). Удобренія навозомъ не требуетъ, даже, по словамъ крестьянъ, не выноситъ удобренія: хлѣбъ будетъ слишкомъ густъ, и свалится. Навозъ здѣсь сжигаютъ, большею частью около дорогъ: „отшибáтъ болѣзни“.

Пашутъ первобытной *косу́лей*, „залóгъ“, т. е. новую землю—*сабаномъ*. Болѣе сложныхъ орудій нѣтъ, хотя неподалеку, на заводѣ Дѣевыхъ, всѣ работаютъ машинами, а въ гор. Белебеѣ есть земскій складъ сельско-хозяйственныхъ орудій. Поденьщина обычно стоитъ 25 коп.: башкиры всегда рады наняться на работу.

Скотины держатъ по многу. У очень бѣднаго больного мужика Исака 2 лошади, 1 корова и 5 овецъ; у самой бѣдной („и самовара нѣтъ“) вдовы Орины 1 корова, 6—7 овецъ и телята. Коровы мелкія, не молочныя: на лучшемъ корму корова даетъ $^1/_2$ ведра въ день; очень рѣдкая доитъ „насквозь“ (т. е. вплоть до отёла), а большею частію недѣль 6—7 въ году совсѣмъ не доитъ. Козъ теперь совсѣмъ не держатъ. Содержаніе скота обходится не дорого. Луговъ и сѣна вдоволь. Пастуху платятъ 55—60 коп. „съ *чередà*“; чередъ составляетъ одна корова или пять овецъ.

Куръ держатъ по многу; яица продаютъ скупщикамъ.

Въ *огородахъ* садятъ больше всего моркови и луку (какъ „луку—батунá“, такъ и „луку—саженцá“: первый сѣютъ въ видѣ сѣмянъ, второй садятъ луковицами. Эти овощи, равно какъ и капусту, продаютъ башкирамъ и на станціи ж. д. Абдулино. Садятъ и картофель, который главнымъ образомъ продаютъ на сосѣдній винокуренный заводъ Дѣевыхъ.

Лѣсу у усеньчанъ также вполнѣ достаточно. Отдаютъ землю даромъ пахать на два года, только вычисти ее изъподъ лѣса. Но и на эти условія никто не согласенъ.

Возка лѣсу изъ Усень-Ивановскаго лѣсничества на желѣзную дорогу и въ другія мѣста составляетъ для усеньчанъ одинъ изъ источниковъ хорошаго дохода.

Пчеловодовъ въ „заводѣ“ не меньше 30.

Есть среди усеньчанъ и плотники (доморощенные), есть и токари „мѣдячіе“ (лудятъ и поправляютъ мѣдную посуду), „печеклады“ и т. п. Но всѣ эти работы производятся въ небольшихъ размѣрахъ, больше для домашнихъ потребностей.

Отхожихъ промысловъ усеньчане, можно сказать, совсѣмъ не знаютъ.

Не мало доходу въ послѣдніе годы отъ пріѣзжихъ „кумызниковъ“: домохозяинъ получаетъ отъ кумысника 4—10 рублей въ мѣсяцъ за квартиру, возитъ его за особую плату въ городъ и на станцію; многіе кумысники (а также столовыя для нихъ) покупаютъ у крестьянъ мясо, разнаго рода живность и другіе продукты; иные принимаютъ кумысниковъ на полный пансіонъ (отъ 15 рубл. въ мѣсяцъ съ человѣка).

Вообще, усеньчане живутъ довольно зажиточно. Если нѣкоторые изъ нихъ и хвалятъ старину, когда жили „за бариномъ“, когда было привольнѣе во всѣмъ: луговъ, лѣсу сколько хочешь,—то тутъ сказывается только общая слабость стараго человѣка искать лучшаго въ прошломъ; къ тому же хвалятъ старину только лица, не работавшія сами въ рудникахъ или на заводѣ.

Изъ *расходовъ* крестьянина главный, конечно, подати. На одну ревизскую душу приходится 4—4$^1/_2$ рублей въ годъ (больше 3 р. „казенныхъ“, 70—120 коп. „волостныхъ“ и 20—30 „сельскихъ“). Покупное, кромѣ одежды и разнаго рода орудій, сахаръ, керосинъ, спички, отчасти и чай.

VI. Пища. Самый главный предметъ потребленія въ „мясоѣды“—мясо. Лѣтомъ, начиная съ Петрова дня, фунтъ баранины стóитъ здѣсь, и даже въ гор. Белебеѣ, 5 коп. Птица осенью также крайне дешева. Единственное время, когда у усеньчанъ не бываетъ мяса, это—около Троицы: старый запасъ вышелъ, и рѣзать скотину еще рано: не нагулялась

(мясо „тощée“). Впрочемъ, у многихъ и въ это время бываетъ солонина, которая часто остается и на слѣдующую зиму.

Молоко—другой главный предметъ потребленія. Ѣдятъ его въ чистомъ видѣ; на молокѣ варятъ каши (чаще всего „пшóнную“—изъ проса); съ молокомъ пьютъ чай. Кислое молоко ѣдятъ больше на покосахъ.

Яица сами почти не ѣдятъ—продаютъ (10 коп. десятокъ).

Постомъ ѣдятъ разнаго рода губину́, т. е. овощи: морковь, картофель, лукъ, горохъ; грибы: вóлжанки, овишóнки, опёнки сушеные. Пекутъ пироги съ ягодами, между прочимъ „кали́нники“—съ солодомъ и калиной: пирогъ завертываютъ въ тряпицу и ставятъ на цѣлыя сутки въ печь. „Соленые арбузы“ употребляются только въ торжественныхъ случаяхъ, наприм. на свадьбахъ. Своихъ арбузовъ здѣсь нѣтъ, а покупные. Арбузы кладутъ осенью въ соленую капусту, ѣдятъ весною „соленые“.

Извѣстны также здѣсь *ша́ньги* („ватрушки“), *ола́дьи* или *ола́дышки* („маленькія лепешки изъ муки, жареныя въ маслѣ“), *преженцы* и *рóзанцы* (сладкія печенья, которыя пекутъ большею частью на масляницѣ), *пельме́ни.*

Весною ѣдятъ разнаго рода тра́вы. *Ки́слицу* ѣдятъ и сырую, снимая верхнюю толстую кожуру, а также пекутъ изъ нея пироги. *Боршóвникъ* или *боршóвую пучку* ѣдятъ въ концѣ мая сырою, а также предварительно сваривши въ водѣ. Вершина этой травы, самая вкусная часть, называется *пика́нъ.* Различается еще *гладенька пу́чка* или *дигальникъ. Язычки* (въ окрестныхъ деревняхъ называютъ *шке́рда*; растетъ въ лѣсахъ на низкихъ мѣстахъ) ѣдятъ сырыми, а также возятъ продавать въ городъ (Белебей). Еще съѣдобныя травы: *щаве́ль* („на степяхъ ростетъ метелочкой; цвѣтъ бардóвый“) *матрёшка* („синей цвѣтъ въ родѣ зонта; вышиною четверти три; хорошо пахнетъ“).

Пьютъ *квасъ* и *чай.*

VII. Одежда. Въ одеждѣ усеньчане различаютъ два главныхъ разряда: одну носятъ дома, на гуляньяхъ и т. п., другую надѣваютъ, идя въ часовню или моленную. Послѣднюю часто называютъ „руськая одёжа“.

Особенно рѣзко отличаются одинъ отъ другого эти два разряда одежды у женщинъ. Дома, въ гостяхъ, на гуляньѣ и т. п. дѣвушки и женщины, даже старухи носятъ большею частію *ко́фту*, чаще безъ тальи. Въ моленную въ кофтѣ никто не ходитъ, а всѣ надѣваютъ бѣлую (рѣже—другого цвѣта) *рубаху*, даже невѣсты. Но *ру́ськой сарафанъ* имѣется далеко не у всѣхъ, а только почти у однихъ старухъ. „Рада бы завела,—говорила мнѣ по этому поводу Оганя, дочь Мичурина, невѣста,—да вѣдь на гулянье его не надѣнешь“.

Ру́ськой сарафанъ противополагается *мо́сковскому сарафану.* Первый шьется съ клиньями: внизу широкій, вверху узкій (обыкновенно „въ три поло́тнища“); напереди у него разрѣзъ съ 12-ю пуговками, петельки для которыхъ дѣлаются изъ шнурка. Кромѣ того, у руськаго сарафана отличная спинка: съ маленькимъ четыреугольникомъ поверхъ боровъ, къ которому пришиваются лямки. *Московскій сарафанъ* безъ клиньевъ и безъ разрѣза напереди.

Всякій *сарафанъ* надѣвается на *станови́ну*,—родъ юбки, пришитой къ *рубахѣ.* Рубаха дѣлается изъ ситцу, становина —изъ холста (обыкновено изъ синяго), такъ что съ одной становиной изнашиваютъ 2—3 рубахи. Надѣвается сарафанъ, поддерживаемый лямками, выше грудей; ниже грудей опоясывается поясомъ. Сарафаны теперь носятъ исключительно ситцевые; но еще 30 лѣтъ тому назадъ всѣ носили холщевые синіе сарафаны. У старухъ и теперь они всегда синяго цвѣта.

Черная шерстяная („камлото́вая“) кофта въ талью („съ выточками“)—идеалъ усень-ивановской дѣвицы-невѣсты. Кофта шьется широкая (даже и въ тальѣ), длинная (почти до колѣнъ), на подкладкѣ; сарафанъ къ ней надѣваютъ ситцевый, большею частію свѣтлыхъ цвѣтовъ: розоваго, голубого.

Съ точки зрѣнія интеллигентнаго вкуса—верхъ безвкусія. Описанная кофта изъ „камлóту" (80 коп. арш.) стóитъ до 2 $^1/_2$ рублей. Носятъ ее на гуляньѣ, да еще въ ней-же ходятъ въ гости.

Фáртукъ или *запóнъ*—необходимая принадлежность праздничнаго костюма дѣвицъ; онъ бываетъ большею частью бѣлый, вышитый по подолу по канвѣ.

Верхняя праздничная одежда дѣвушекъ, надѣваемая б. ч. весною и осенью, а также въ лѣтніе холодные вечера—стежоная черная кофта безъ тальи, съ узкимъ воротникомъ. Узкая у ворота, кофта эта постепенно расширяется къ подолу. Длина та же, чтó и у „камлотовой" легкой кофты. Концы головного платка прячутся подъ кофтой.—У старухъ такая-же точно кофта, только очень длинная, ниже колѣнъ.—Въ 70-80 г. г. прошлаго столѣтія такія кофты-пальто носили жены и дочери духовенства въ глухихъ селахъ (напр. на моей родинѣ, въ сарапульскомъ у.).—Въ этихъ верхнихъ кофтахъ ходятъ и въ чассвню.

Верхняя будничная одежда—*кафтанъ* обычнаго покроя, часто изъ домотканнаго сукна, а иногда и изъ синяго холста Кафтанъ покороче извѣстенъ подъ именемъ *полукафтáнья*. Кафтанъ и полукафтанье служатъ одинаково одеждою какъ для женщинъ, такъ и для мущинъ.

Замужнія женщины носятъ на головѣ *чехлýшку* (срв. гл. XVII). На нее надѣвается платокъ или шаль. Дѣвушки носятъ ситцевые платки. Въ старину носили де *лéнты*— „высокій буракъ, на немъ жемчугъ и ленты".

Мужская одежда. Пиджакú носятъ очень многіе, но только молодежь, старики же никогда. Въ часовню въ пиджакахъ также не ходятъ (а въ кафтанѣ). Изрѣдка встрѣчаются и пиджаки изъ домотканнаго сукна, т. е. рабочіе; вообще же пиджакъ считается праздничною одеждою. О *кафтанѣ* и *полукафтаньѣ*, самомъ обычномъ костюмѣ мущинъ, не исключая и дѣтей, была рѣчь выше.

Зимою сверхъ *полушубка* надѣвается еще *чáпанъ*—безъ боровъ, длинный, по подолу очень широкій, съ отложнымъ широкимъ воротникомъ.

Рубаха ситцевая; *поясъ* большею частію ременный, рѣже вязаный (въ видѣ веревочки, съ кистями на концахъ; поясья вяжутъ изъ *тéневой* шерсти такъ же, какъ чулки; рѣдкіе умѣютъ еще вязать ихъ *въ бутылку*: особый способъ вязки, когда клубки нитокъ, равно какъ и самый поясъ, по мѣрѣ его вязки безъ всякихъ иголокъ, руками прямо, дѣйствительно, спускаются въ бутылку; причемъ вязанные поясья носятъ одинаково мущины и женщины).

Штаны синіе холщевые; они засовываются подъ бѣлые шерстяные (даже лѣтомъ) *чулки*. Когда мущина въ кафтанѣ, то ниже кафтана видны только эти бѣлые чулки. *Брюки*—ихъ носятъ далеко не всѣ—надѣваются поверхъ чулокъ; они сравнительно короткіе: не доходятъ до высокихъ *колошъ*.

Въ комнатѣ *обувью* и служатъ упомянутые шерстяные чулки (а дѣти ходятъ босыми). Выходя на улицу, надѣваютъ (мущины и женщины одинаково) *колóши*, которыя снимаются на крыльцѣ. Этимъ достигается безукоризненная чистота въ избахъ. Колоши у стариковъ кожаныя, у молодежи—резиновыя; въ томъ и другомъ случаѣ очень высокія.

На легкую работу и въ грязное время надѣваютъ вмѣсто колошъ *стýпни*—плетеныя изъ лыкъ низкія колоши. Кромѣ того, часто, особенно въ дорогу (и лѣтомъ, не говоря уже о зимѣ) надѣваютъ *вáленки* или *вáленые чулки*; послѣдніе отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что они несравненно тоньше и мягче.

Въ лѣсъ и на тяжелую работу надѣваютъ лыковые *лáпти*, всегда *русскіе*, а не *татáрскіе*: у послѣднихъ круглые носки, такъ что лѣвый лапоть не отличается отъ праваго; у *русскихъ* же лаптей передніе концы немного наискосокъ.

Сапоги носятъ очень рѣдко, большею частію молодежь. *Башмаки* должны быть у каждой невѣсты.

Человѣкъ у 10 въ „заводѣ, у начетчиковъ и стариковъ, имѣются еще *шапки-четыреуголки*: поверхъ крытыя черной матеріей, круглыя внизу и съ 4-мя углами на верху, по числу 4-хъ евангелистовъ. Нѣкоторые носятъ эти шапки и лѣтомъ. Прежде-де больше носили; теперь негдѣ покупать. Раньше будто бы и у фуражекъ верхъ былъ 4—угольный.

Изрѣдка встрѣчаются и бараньи шапки въ родѣ башкирскихъ малахаевъ. „У кого чего есть, тотъ то и носитъ", сказала мнѣ на этотъ счетъ Офимья и не назвала „грѣхомъ", когда я сталъ носить татарскую *чапла́шку* на головѣ. Однако, башкирскую бѣлую шляпу никто изъ усеньчанъ никогда не надѣнетъ.

Фуражка или *карту́зъ*—самый обычный головной уборъ мущины, даже и старика. Онъ подкупаетъ своей дешевизной. Встрѣчаются и войлочныя шляпы—высокія, съ узкими полями и съ овальнымъ, нѣсколько вдавленнымъ донышкомъ. По словамъ стариковъ, прежде больше всего и носили такія шляпы (не то, что́ теперь: „на чувашской манеръ", т. е. круглыя вверху).

Стригутся въ кружокъ; *рядъ* (проборъ) носятъ прямой, только чуть-чуть лѣвѣе носа.

Кольца носятъ и маленькіе, лѣтъ съ пяти. О серьгахъ см. ниже: гл. XIII, 7.

VIII. Жилище. Улицы въ „заводѣ" широкія, довольно прямыя; идутъ въ направленіи съ юга на сѣверъ. Оконъ на сѣверъ здѣсь никогда не дѣлаютъ; обыкновенно на сѣверной сторонѣ дома устраивается крыльцо.

Деревьевъ около домовъ совсѣмъ нѣтъ; только въ самое послѣднее время, по требованію полиціи, появились у нѣкоторыхъ небольшіе палисадники. Отсутствіе деревьевъ—общая черта мѣстныхъ селеній.

Избы строятъ изъ березоваго и осиноваго лѣса, рѣже изъ липы. Сосновый лѣсъ дорогъ. Для избы рубится обыкновенно 14—18 *вѣнцовъ*.—На улицу выходятъ два или три

окна; очень часто это—единственныя окна во всей избѣ; изрѣдка устраивается еще одно окно на югъ. Передъ избой небольшія *сѣнцы.* Крыльцо, конечно, внутри двора.

Рядомъ съ *сѣнцами* прежде обыкновенно устраивали нежилую (т. е. безъ печи) *клѣть,* въ которую вела дверь изъ сѣней. Теперь (послѣ пожара 1892 г.) чаще устраиваютъ рядомъ съ сѣнцами не клѣть, а *амбаръ.* Изъ сѣней въ амбаръ хода нѣтъ, а только со двора. Крыльцо для избы и амбара большею частію одно. Въ амбарѣ хранятъ хлѣбъ и другіе припасы, а въ случаѣ необходимости и живутъ въ немъ (лѣтомъ).

У другихъ вмѣсто амбара *задняя изба.* Крайне рѣдко она устраивается фасадомъ на улицу, обычно—во дворъ. Часто задняя изба строится въ глубинѣ двора (на мѣстѣ скотной избы). Встрѣчаются избы, мазаныя сверху глиной. По словамъ Ив. Мичурина, этотъ обычай ведется издавна. Избы кроютъ тесомъ и желѣзомъ. Соломой не кроютъ. Изрѣдка встрѣчаются только крытые соломой сараи; но тогда поверхъ соломы кладутъ куски дерна, корнями вверхъ; укладка таже, чтó черепицы.

Встрѣчаются и *шатрóвыя крыши*—круглыя, на четыре ската. Иногда нельзя бываетъ устроить крышу такъ, чтобы она была совсѣмъ круглая: „не приходятся“, напримѣръ, сѣнцы; тогда въ шатровой крышѣ получается углубленіе, родъ широкаго желоба, извѣстное подъ именемъ *ендовы́.*—Чаще, однако, крыша устраивается на 2 ската, причемъ стѣнка между скатами называется: *франтóнъ.* Дома большею частію смотрятъ на улицу „франтóномъ“.

Весь верхъ дома, т. е. крыша съ франтономъ, застрѣхами и т д. носитъ названіе: *конёкъ.* Желобъ сверху крыши (если она не на гвоздяхъ)—*шолóмъ*; деревянныя клюшки, поддерживающія нижнія желобья крыши, прежде звались: *кýрицы,* теперь—*крю́чьи.* На соломенныхъ крышахъ, чтобы солому не сдувало вѣтромъ, кладутъ жерди—*прижи́мы* или *вѣтряницы.*

Крытые дворы встрѣчаются крайне рѣдко. По разсказамъ, прежде они были обычны; крыли лубками, безъ всякаго ската; иногда на лѣто крыша убиралась.

Въ глубинѣ двора устраиваются *шкарды* и *шкардýшки*—загородки для скота. Въ послѣднее время шкáрды иногда плетутся изъ древесныхъ прутьевъ, наподобіе короба. Это—заимствованіе отъ башкиръ, въ чемъ сознаются и сами усеньчане: сами де и плести не умѣемъ, а нанимаемъ башкиръ. Рядомъ хлѣвы, *скотная изба,* теплая, иногда служащая вмѣстѣ и баней. Если же, чтó гораздо чаще, баня особая, то она устраивается въ огородѣ. Въ огородѣ же большею частію *пóгребъ,* съ ямой, въ которую мечутъ снѣгъ.

Въ избѣ направо отъ входной двери *печь,* устьемъ расположенная всегда къ окну. Печи здѣсь кладутся изъ кирпичей; битыя изъ глины печи встрѣчаются крайне рѣдко. Изрѣдка часть избы съ печью отдѣляется *перебóркой,* такъ что получается *чулàнъ.*

Полати у входной двери. *Голбцевъ* нѣтъ.

Часто можно видѣть теперь и *филéнчатыя* двери, и *тальянско окóшко* (широкое, въ нѣсколько стеколъ).

Встрѣчаются и плотники-раціоналисты, которые не признаютъ установившихся традицій, а строятъ по собственному разсужденію, какъ находятъ болѣе удобнымъ или дешевымъ. Особенно это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда плотникъ строитъ домъ самому-же себѣ. Ив. Мичуринъ принадлежитъ къ числу такихъ плотниковъ. У него въ домѣ все своеобразно. Двѣ избы, причемъ ходъ изъ одной въ другую. Въ одной избѣ даже нѣтъ *мáтки;* когда къ нему пришли сваты сватать его старшую дочь, то вмѣсто того чтобы сѣсть подъ мáтку (см. гл. XVII), принуждены были сказать: „у васъ и матки-то нѣту въ избѣ“.

Кромѣ того, принимаютъ во вниманіе требованія пріѣзжихъ кумысниковъ. Напримѣръ, не оклеиваютъ обоями стѣны въ избѣ, а оставляютъ ихъ бѣлыми, чтобы можно было мыть, или подбѣливаютъ.

Въ переднемъ углу избы *божница*—полочка для иконъ, а гораздо чаще *кивотъ*; это родъ ящика, имѣющаго видъ треугольника; спереди рама со стеклами; внутрь кивота ставятъ иконы.

IX. Религіозная жизнь. Переведенные Осокинымъ на р. Усень крестьяне, первые жители усень-ивановскаго завода были „разныхъ вѣръ". Баринъ самъ предложилъ имъ согласиться на какой-либо одной вѣрѣ. Посылали по монастырямъ (т. е. по скитамъ) рѣшать, на какой вѣрѣ согласиться. Остановились на *бѣглопоповствѣ*.

До самаго послѣдняго времени всѣ усеньчане и были бѣглопоповцами. Никакихъ разногласій между ними не было. Попы наѣзжали въ Усень рѣдко; иной разъ лѣтъ пять, а то и всѣ десять попъ не заглядывалъ. А пріѣзжали на 2—3 дня, такъ какъ ихъ строго преслѣдовали. Въ эти 2—3 дня вѣнчали старыя свадьбы и наскоро крутили новыя, отпѣвали давно истлѣвшихъ въ землѣ покойниковъ, крестили взрослыхъ дѣтей.—Правда, въ заводѣ всегда былъ „благословенный старичекъ" или „наставникъ", который совершалъ богослуженіе и исправлялъ необходимыя требы. А кто побогаче, тѣ ѣздили къ попу въ Самару, Уральскъ, Бузулукъ и др. мѣста.

Лѣтъ 7—10 тому назадъ среди усеньчанъ началось раздѣленіе по религіознымъ вопросамъ. Незначительная часть отошла „въ Австрію", т. е. признала бѣло-криницкое священство „Австрійскій попъ" живетъ въ дер. Письмянкѣ, въ 7 вер. отъ „завода". Онъ наѣзжаетъ изрѣдка и въ „заводъ". Ходитъ въ рясѣ, носитъ длинные волосы (я его видѣлъ): вообще, по виду не отличается отъ православнаго священника.

При мнѣ былъ случай перехода одного изъ бѣглопоповцевъ (часовеннаго) „въ Австрію". „Давно мялся умомъ-то", говорилъ про него Ив. Мичуринъ. Всѣ родственники перешедшаго были „австріяки".

„Австрійскую вѣру" усень-ивановскіе бѣглопоповцы отнюдь не считаютъ „старой вѣрой", равно какъ не считаютъ

„старовѣрами“, напримѣръ, *рябиновцевъ* *), поморцевъ (они есть въ Кидашѣ) и вообще всѣ другіе толки, кромѣ своего. Усеньчанамъ кажется страннымъ, что собранныя ими на нужды войны весною 1904 г. вещи и деньги отосланы были куда слѣдуетъ мѣстнымъ лѣснымъ ревизоромъ отъ имени „старообрядцевъ усень-ивановскаго завода“. „Всѣхъ за одно! всѣ старообрядцы!“ съ удивленіемъ говорили они мнѣ.

Другое раздѣленіе произошло „изъ-за попа“. Восемь лѣтъ тому назадъ въ Усень-Ивановѣ поселился бѣглый попъ. Его усеньчане достали изъ Гомеля. „Прослышали, что тамъ попъ есть, который желаетъ къ намъ перейти; ну, и ѣздили туды, сами и привезли“. (Офимья). „Поп'отъ былъ безбилетной; надо выправить билетъ; ѣздили въ нижегородскую губернію (тамъ у насъ есть попечитель по нашей вѣрѣ), въ Мо́скву; 150 рублей издержали,—ничего не сдѣлали“ (Петръ Мичуринъ).

Другая бѣда: „попъ“ пріѣхалъ безъ жены. „Сталъ больно дурить: пьянствовать, по ночамъ ходить. Мы его просили жену привести: шесть разъ въ ноги кланялись. Потребовалъ онъ 80 рублей: жена де въ черниговской губерніи, городъ Ольгово. Собрали. Съѣздилъ, а то была не жена, „не вѣнчаная“ (Петръ Мичуринъ и другіе).

Итакъ, „попъ“ оказался „запоецъ, мздоимщикъ, не живетъ съ женой“. Нѣкоторые „отдѣлились отъ него“, стали ѣздить въ Вольско. Но попъ скоро умеръ, и раздѣленіе прекратилось.

Пріѣхалъ другой попъ. Пріѣхалъ, будто-бы, безъ зову, изъ Москвы, съ Рогожскаго кладбища, откуда его прогнали. Этотъ попъ, о. Александръ П. до сихъ поръ живетъ въ „за-

---

*) По словамъ усеньчанъ, рябиновцы живутъ около Уфы (дер. Нижнегородка, Емелькино тожъ) и въ Стерлитамакѣ. У нихъ нѣтъ «попа». Церковной службы вообще не исполняютъ, даже не поютъ и не кланяются, а только читаютъ («келейно правило», въ противоположность «церковному правилу»). Сами про себя говорятъ: «наша вѣра рябинова».

водѣ". Онъ пріѣхалъ съ женой и дочерью, но та и другая— православныя (въ церковь ѣздятъ—въ с. Котузы). Это последнее обстоятельство и послужило главнымъ поводомъ къ новымъ разногласіямъ.

Была Пасха. О. Александръ исправилъ, что слѣдуетъ, въ „заводѣ" и уѣхалъ на второй день Пасхи въ Кидашъ, къ тамошнимъ своимъ прихожанамъ. Только что онъ уѣхалъ, какъ къ нему на квартиру пріѣзжаетъ „катузинскій попъ", т. е. православный священникъ, „пѣть пасху". „Самъ попъ (говорили мнѣ усеньчане), такъ самъ все и правь у себя въ дому; на что еще другого попа звать? Вѣдь, не безъ его согласу случилось это: мужъ въ своемъ домѣ глава и хозяинъ".

Не понравилось усеньчанамъ еще и другое. О. Александръ П. часто уѣзжаетъ отъ нихъ въ разныя мѣста, будто-бы на Кавказъ, въ Сибирь и т. п., къ тамошнимъ староверамъ. Намъ де ничего не скажетъ: куда? зачѣмъ? Возьметъ съ собой одного мужичка, какъ-бы въ свидѣтели.—Наше, вѣдь, обчество большое, его вездѣ знаютъ, а одному-то, пожалуй, и не повѣрятъ.—Сказывали, что мужичок'отъ по сотнѣ рублей привозилъ изъ своей поѣздки. Сколько, значитъ, попу-то достается?!"

„По кормчей, нашъ попъ не долженъ никуда ѣздить безъ согласія обчества, безъ попечителя; не долженъ наживать деньги. Онъ долженъ пасти стадо, а не деньги копить. А наш'отъ мздоимшикъ: за мздой все и ѣздитъ. Хочетъ собирать сотни, а не рубли. Хлѣбъ тоже сѣетъ... Вѣдь мы его все равно прокормимъ"...

Больше всего, однако, смущало усеньчанъ въ частыхъ поѣздкахъ о. Александра другое обстоятельство. „Бѣглыхъ поповъ изъ Великороссійской церкви у насъ исправляютъ. Они должны проклясть никоніанскія ереси *). А послѣ ужъ

---

*) Всякій разъ, когда моему собесѣднику, Алексѣю Кирьянову, приходилось употреблять слова: «никоніанская ересь», «никоніанецъ», онъ извинялся передо мной.

попъ ничуть не долженъ отступать отъ старой вѣры; пуще всего не долженъ къ архіерею подъ руку подходить, къ благочинному тамъ... А наш'отъ ѣздитъ. Кто его знаетъ: быть можетъ, и подъ руку къ архирею подходитъ".

„Вотъ, мы и отдѣлились. Не надо намъ его".

Я спрашиваю: а что-же не всѣ отстали? тогда не было-бы раздѣленія.—„Да хитрой, вѣдь, поп'отъ. Пріѣдетъ откуда, наберетъ тамъ денегъ-ту,—и даетъ заводскимъ-ту, кто поважнѣе: тому 10 рублей, тому 5 рублей. Вотъ за него и стоятъ".

Я подробно остановился на этой исторіи, чтобы обстоятельнѣе выяснить причины раздѣленія. Чуть не полтораста лѣтъ усеньчане жили въ мирѣ и согласіи, и вдругъ раздѣленіе. Всю исторію я старался передавать собственными словами усеньчанъ, отдѣлившихся отъ о. Александра. Всѣ, съ кѣмъ мнѣ ни приходилось говорить объ этомъ, разсказываютъ вообще одинаково. Очевидно, тутъ много правды. Только возможно, что здѣсь мы имѣемъ не главную причину раздѣленія, а лишь ближайшій поводъ къ нему. О болѣе глубокихъ причинахъ раздѣленія рѣчь будетъ ниже.

По отношенію къ своимъ священникамъ и вообще къ своимъ церковнымъ дѣламъ старообрядцы, дѣйствительно, щедры. Усеньчане платятъ священнику за требы: за крестины отъ 1—3 рубл., за вѣнчаніе 6—10, за похороны 2—5 р. Кромѣ того, всѣ, кто можетъ, несутъ хлѣба, мяса и т. п. „У кого нѣтъ, тотъ и не несетъ: раскладки не было на это у насъ". Домъ для священника общественный.—Въ концѣ мая 1904 года происходилъ въ гор. Вольскѣ съѣздъ „бѣглыхъ поповъ". Ѣздилъ туда и усень-ивановскій священникъ. За нимъ пріѣзжалъ на Усень посланецъ, съ подарками всѣмъ усеньчанамъ; а именно, посланецъ выставилъ въ часовнѣ деньги на блюдѣ: кто изъ взрослыхъ мущинъ сколько хочетъ, столько и бери; женщинамъ и дѣтямъ были особые подарки.

Отдѣлившихся около 65 домовъ. Они „къ попу не ходятъ", имѣютъ свою моленную. Править требы, въ частности: исповѣдываться и пріобщаться, вѣнчаться; рѣже—крестить

дѣтей, ѣздятъ „въ Вóльско“ (т. е. въ гор. Вольскъ на Волгѣ, одинъ изъ центровъ современнаго старообрядчества). До Вольска отъ Усеня считаютъ около 700 верстъ; ѣхать сначала по желѣзной дорогѣ, потомъ на пароходѣ; проѣздъ одного человѣка стоитъ 7 рублей. Не удивительно, что ѣздятъ весьма немногіе. „Благословенный старичекъ“ погружаетъ дѣтей и совершаетъ, въ необходимыхъ случаяхъ, другія требы; онъ же совершаетъ богослуженіе. Кому случается быть въ Вольскѣ, тотъ всегда тамъ исповѣдуется и причащается.

Ѣздятъ „въ Вольско“ къ священнику о. Егорею. Есть де наши попы и ближе, въ Самарѣ, да не знакомо.

„Часовенные“, т. е. признающіе и теперь о. Александра, называютъ отдѣлившихся: „Осиповшина“ (такъ какъ среди отдѣлившихся видную роль играютъ два старика, оба Осипа, „отщепéнцы“.

Начетчики „отщепенцевъ“ не велятъ имъ ѣсть изъ одной чашки съ „ходящими къ попу“. При всемъ томъ, бываютъ даже случаи брака между представителями этихъ двухъ согласій, причемъ вѣнчаются тамъ, гдѣ женихъ.

Что до о. Александра П., то это во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательная личность, замѣчательная по силѣ того вліянія, которое онъ имѣетъ на своихъ прихожанъ. Послѣдніе относятся къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и вмѣстѣ съ любовію, хотя онъ ничуть не даетъ имъ „поблажки“ и строго бичуетъ всякаго рода безчинія. Такое впечатлѣніе произвели на меня разговоры съ „часовенными“ и наблюденіе надъ фактами ихъ жизни. Лично я о. Александра даже не видѣлъ. Живущій въ заводѣ лѣсной ревизоръ Ѳ. П. Симонъ называлъ мнѣ его энергичнымъ и „идейнымъ человѣкомъ“, много сдѣлавшимъ для возвышенія нравовъ заводскаго населенія.

На мое впечатлѣніе, у отдѣлившихся замѣтны нѣкоторыя безпоповческія стремленія, хотя они ничуть не сознаются въ этомъ и всегда говорятъ о необходимости для спасенія

священства. Въ этихъ тенденціяхъ можно видѣть главную причину ихъ отдѣленія.

Кромѣ того, у нѣкоторыхъ изъ отдѣлившихся (у главарей) были къ тому матеріальные интересы, не говоря уже о преимуществахъ общаго почета и уваженія: одинъ обираетъ свою паству въ качествѣ „наставника", другой получаетъ 30 рублей за свой домъ, который служитъ вмѣсто моленной. Всѣмъ не нужно платить „попу", за исключеніемъ крайне рѣдкихъ случаевъ поѣздки въ Вольскъ („наставнику" платятъ за требы, конечно, гораздо меньше, чѣмъ „попу").

При всемъ томъ, масса отдѣлилась по глубокому убѣжденію, изъ чисто-религіозныхъ побужденій. Сказать и то, что изъ часовни „отщепенцамъ" рѣшительно ничего не дали: ни книгъ, ни иконъ. Все приходилось и приходится покупать самимъ, а это стоитъ большихъ денегъ.

Много значитъ также желаніе самимъ управлять церковными дѣлами. Желаніе традиціонное, наслѣдственное, которое можно наблюдать и у православныхъ великоруссовъ (напр., оно очень сильно въ сарапульскомъ уѣздѣ вятской губерніи, гдѣ мнѣ приходилось часто наблюдать борьбу православныхъ крестьянъ со своимъ духовенствомъ по церковнымъ дѣламъ). Хотя вообще усеньчане съ большою признательностію говорятъ о реформахъ недавняго времени, когда институтъ „бѣглыхъ поповъ" былъ признанъ дозволеннымъ („а то прежде, бывало, найдутъ гдѣ-либо попа, сейчасъ-же къ исправнику съ поклономъ; тотъ денежки возьметъ, да скажетъ: мотрите, скорѣе, дня два—три, а потомъ и убирайте его подальше!"), но они сами высказывались мнѣ объ одномъ преимуществѣ стараго порядка: „прежде безбилетной попъ весь въ нашей волѣ: что хочемъ, то и дѣлаемъ съ нимъ; а теперь мы по его дудкѣ пляши" (Ив. Мичуринъ).

Наконецъ, причину дробленія въ нѣдрахъ современнаго старообрядчества можно видѣть въ общей смутѣ умовъ, которая, въ свою очередь, является, такъ сказать, знаменіемъ нашего времени. Новыя теченія, внѣшнимъ проявленіемъ кото-

рыхъ служитъ то, что у насъ называютъ обыкновенно „фабричной“ и „городской цивилизаціей“, съ такою быстротою и силою, такъ внезапно нахлынули въ нашу захолустную, неподготовленную къ этимъ новымъ теченіямъ, деревню, что въ старомъ поколѣніи деревни невольно возникла—а въ другихъ случаяхъ усилилась и обострилась—боязнь за будущее, страхъ передъ наступающей и совершающейся уже ломкою жизни. Среди старовѣровъ этотъ страхъ и вызванная имъ смута умовъ сильнѣе, чѣмъ у православныхъ: укладъ жизни старовѣровъ ближе къ старинѣ, и ломка въ немъ представляется болѣе рѣзкою, а мысли старообрядцевъ исторически направлены къ ожиданію антихриста, наступленіе царства котораго они и склонны видѣть въ новомъ порядкѣ вещей.

Правда, прямо объ антихристѣ усеньчане ничего не говорятъ. Но привитіе оспы они считаютъ „антихристовою печатью“; если и прививаютъ „воспу“, то только изъ боязни слѣпоты (см. гл. XV, 6); прививаютъ далеко не всѣ: въ „заводѣ“ масса молодыхъ и старыхъ, мущинъ и женщинъ, лица которыхъ изрыты оспою

Туже подкладку—боязнь антихриста—нужно предполагать въ томъ обстоятельствѣ, что усеньчане боятся и считаютъ грѣхомъ давать подписку въ чемъ-либо. Вотъ особенно характерный случай. До винной монополіи виноторговцы должны были испрашивать у общества позволенія устроить въ данномъ селеніи винную лавку. Общество получало деньги и давало подписку въ томъ, что оно согласно допустить виноторговца. Давать такую подписку усеньчане считаютъ грѣхомъ. До 50 домохозяевъ отказались отъ денегъ и не пошли на сходку. У прочихъ желаніе выпить вина и получить денежки взяло верхъ: они пили на сходкѣ выставленное торговцемъ вино и получили 300 рублей *на руки*: въ общественную казну такихъ денегъ не надо. Противъ самой продажи вина усеньчане ничего не имѣютъ, справедливо разсуждая, что если не будетъ явной продажи вина, такъ будетъ тайная. Безъ вина все равно не проживемъ, только вино будетъ хуже, а до-

роже“. Казенной монополіи они рады, такъ какъ де „земство („казну“ усеньчане вообще смѣшиваютъ съ „земствомъ“; столовую вятскаго земства для учителей-кумысниковъ они зовутъ „казённой столовóй“) не спрашиваетъ насъ; надо ли, нѣтъ ли“. Главный грѣхъ въ подписи.

„Люди стали хуже“—общій, постоянный мотивъ въ разговорахъ и разсужденіяхъ усень-ивановскихъ стариковъ. Ив. Мичуринъ этимъ объясняетъ всѣ неурядицы и раздѣленія въ ихъ средѣ.

X. Отношеніе къ иновѣрцамъ. Свою „вѣру“ усень-ивановскіе старовѣры называютъ „руськая вѣра“. Вообще, склонны отождествлять понятія: русскій и старообрядческій. Иванъ Мичуринъ, человѣкъ бывалый и много знающій, увѣрялъ меня, что „всѣ русскіе пошли изъ нижегородской губерніи“ (старообрядцы въ восточной Россіи выселились большею частію изъ нижегородскаго края). *Надызы́*, православные переселенцы изъ тульской губерніи,—„не русскіе“.

Православныхъ усеньчане называютъ: „великороссійскіе“, „никоніанцы“ (называть „никоніанцемъ“ въ лице считается неприличнымъ). Какой-либо ненависти или нетерпимости по отношенію къ православнымъ я не замѣтилъ (можно еще говорить о нетерпимости къ табакокурамъ). Изъ одной посуды, конечно, не ѣдятъ, какъ не ѣдятъ и съ австріяками, рябиновцами и вообще съ представителями всякаго другого толка. Посуду, изъ которой ѣлъ (хлебалъ) или пилъ человѣкъ другой вѣры, нужно вымыть въ проточной водѣ, тогда изъ этой посуды можно будетъ опять ѣсть и пить.

Еретйкъ—распространенная брань; ругаютъ такъ и лошадей, башкиръ, вообще кого случится.

Подавать милостыню можно и нужно всѣмъ, будь то татаринъ или никоніанецъ.

Башкиръ часто называютъ „татарами“, по религіи (что хорошо понимаютъ). Какъ „нехристей“, ихъ считаютъ погаными. Однако, добрые и изъ татаръ не будутъ на томъ свѣтѣ мучиться, хотя и въ царство небесное не попадутъ, а бу-

дутъ между раемъ и мукой. (Офимья Мич.). Это относится и къ представителямъ всѣхъ другихъ вѣръ.

Башкирскій „кумызъ“ считаютъ въ высшей степени поганымъ; изъ посуды, въ которой былъ кумызъ, никогда нельзя больше ѣсть: она навсегда останется поганою. Самъ усеньчанинъ ни въ жизнь не отвѣдаетъ кумыса. Молоко козлиное и овечье не считаютъ поганымъ; одна де женщина овечку подоила: нечѣмъ было накормить ребенка.

XI. Богослуженіе. Часовня находится среди селенія. Это деревянное, крытое желѣзомъ зданіе обычнаго типа (безъ купола и т. п.; крыша съ „фронтономъ“), расположенное внутри двора. Это было единственное зданіе, которое усеньчане отстояли во время пожара 1892 года.

На воротахъ, ведущихъ во дворъ часовни, виситъ мѣдный 8-конечный крестъ. Два такихъ-же креста въ сѣняхъ часовни, гдѣ на полу стоитъ „становъ“, на который ставятъ гробъ съ покойникомъ.

Внутри часовня очень похожа на большую избу; только потолокъ выше обычнаго. Въ потолкѣ 4-угольное отверстіе (вѣроятно для вентиляціи). Оконъ три, всѣ на южной сторонѣ. Имитація трехъ придѣловъ: по бокамъ въ серединѣ моленной устроены углы, уставленные иконами. Вдоль стѣнъ лавки, которыя въ случаѣ надобности опускаются. Маленькій алтарь отдѣляется отъ прочей церкви иконостасомъ, очень похожимъ на иконостасы въ бѣдныхъ сельскихъ церквахъ; похожи же стоячіе подсвѣчники у иконостаса, клиросы и почти вся обстановка.

Колоколовъ нѣтъ: звонъ не разрѣшенъ. Молящіеся собираются наугадъ (часы здѣсь—большая рѣдкость). Пришедшіе раньше времени сидятъ въ „сторо́жкѣ“ (небольшая избушка у входа въ часовню) или же въ самой часовнѣ.

Женщины стоятъ на лѣвой сторонѣ, мущины на правой. Стоять на клиросахъ и пѣть женщины не могутъ; усеньчанамъ кажется страннымъ, что въ соборѣ гор. Белебея въ числѣ пѣвчихъ есть и дѣвушки. На Усенѣ „пѣвши“—исклю-

чительно мужики и мальчики. Пѣніе грубое для слуха, нестройное, но „уставное“: по стариннымъ напѣвамъ, съ канонархомъ.

Богослуженіе отправляется по уставу; службы очень продолжительны. „Всéношна“ начинается съ вечера и продолжается до утра. Здѣсь говорятъ исключительно: идти *за* всеношну, *за* часы, *за* вечерню и т. п.

Приходящіе въ часовню молятся сначала передъ крестомъ, чтó на воротахъ (мущины здѣсь снимаютъ шапки), потомъ передъ дверьми часовни. Въ самой часовнѣ прежде всего кладутъ „большой началъ“, послѣ котораго кланяются (чаще „въ землю“) присутствущимъ на всѣ стороны.

Стоятъ въ часовнѣ сложа крестообразно руки на груди (причемъ ладони и кисти рукъ смотрятъ внизъ). Въ лѣвой рукѣ лѣстовка. Крестятся (конечно, двуперстно) сравнительно рѣдко, обыкновенно всѣ разомъ. На колѣнахъ не стоятъ. Поклонъ „въ землю“ или „въ ноги“ состоитъ въ томъ, чтобы, упершись кистями рукъ (для чего и *подрýшникъ*) въ полъ, распростереться ницъ, не касаясь колѣнами пола, и потомъ сейчасъ-же подняться. Для непривычнаго дѣлать такіе поклоны трудно. Подрýшникъ тутъ какъ нельзя болѣе кстати; это родъ маленькаго, обычно квадр. $^1/_2$ арш., стежонаго одѣяльца, большею частію сшитаго изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Дѣвушки большею частію пользуются, вмѣсто подрушниковъ, бѣлыми платками.

Моленная „отщепенцевъ“ помѣщается въ крестьянскомъ домѣ; состоитъ изъ двухъ комнатъ: въ задней, у входа, обычно стоятъ женщины, въ передней—мущины. Въ углу этой послѣдней крашеный кивотъ, отъ котораго идутъ направо иналѣво ряды стоящихъ на полкахъ иконъ. Въ другомъ углу два шкафа; въ одномъ церковные сосуды.

„Пѣвши“ стоятъ около кивота, выстроившись въ рядъ. Поютъ здѣсь истовѣе, медленнѣе, чѣмъ въ часовнѣ (гдѣ нѣкоторая торопливость); пѣвчихъ меньше, почему нѣтъ той какофоніи.

Кадитъ „наставникъ"; беретъ за ручку кадильницу и дѣлаетъ ею передъ каждою иконою трижды кругъ посолонь (т. е. востокъ—югъ—западъ), сопровождая кажденіе своими поклонами.

Противъ присутствія въ часовнѣ или моленной православныхъ усеньчане ничего не имѣютъ; только де не молитесь. Кумысники бываютъ часто.

За Царя де молимся, только не называемъ его „благовѣрнымъ", а „державнымъ".

Иконы, какъ въ моленныхъ, такъ и въ домахъ, бываютъ и деревянныя и мѣдныя (литыя „скла́дни"). Покупаютъ ихъ на ярмакѣ въ Белебеѣ, куда привозятъ изъ Вольска и Самары.

Тамъ-же покупаютъ *лѣстовки.* Онѣ бываютъ бисерныя, стеклярусовыя и просто ситцевыя. Въ послѣднемъ случаѣ для счета поклоновъ дѣлаются складки. Число поклоновъ на лѣстовкахъ: 12+40+17+30.—Дома какъ лѣстовки, такъ и подрушники, висятъ подъ божницей, въ переднемъ углу. Старики часто оставляютъ свои подрушники въ моленной.

XII. Праздниковъ у усеньчанъ много, больше, чѣмъ у православныхъ крестьянъ. По святцамъ. напр., 8 го мая, память св. Іоанна Богослова, у усеньчанъ праздникъ.

Наканунѣ праздника „примываются", т. е. моютъ полъ въ избѣ. Ходятъ въ баню. Стараются все сдѣлать до вечера, такъ какъ съ вечера уже начинается „праздно время", т. е: ничегонедѣланіе. Зимою подъ праздники, въ частности по субботамъ, не бываетъ и бесѣдокъ (см. гл. XVI), такъ какъ грѣхъ работать. Въ самый праздникъ рѣшительно ничего не работаютъ, кромѣ, конечно, самаго необходимаго: сварить обѣдъ, накормить скотъ, подоить коровъ. Даже не стелютъ холстовъ для бѣленья, не вяжутъ чулокъ. Но вышиванье не считается работой, а „бездѣльничаньемъ", и дѣвушки иногда вышиваютъ въ праздники, большею частію тѣ, которымъ въ будни некогда. Въ воскресенье вечеромъ уже дѣлаютъ легкую работу: шьютъ, вяжутъ и т. п., почему въ эти дни бываютъ

и бесѣдки (см. гл. XVI). Однако, „въ книгахъ написано“, что нельзя работать „до разсвѣтущаго понедѣльника“.

Въ праздникъ, сходивъ „за часы“, завтракаютъ и пьютъ чай, послѣ чего старики обычно „отдыхаютъ“, т. е. спятъ. Потомъ, въ полдень, обѣдъ. Послѣ обѣда сидятъ на улицѣ у воротъ (почти у каждыхъ воротъ имѣются бревна для сидѣнья). Молодежь часто сидитъ парочками. Старики особо. Разговариваютъ о томъ о семъ, часто жалуясь на то, что нѣтъ времени возить дрова и т. п. Часовъ въ 5 вечерня, къ которой однако ходятъ очень немногіе, почти исключительно старухи. Послѣ вечерни молодежь идетъ „въ заулокъ“ „играть въ горѣлышки“ (см. гл. XVI), а въ большіе праздники сначала еще „на кирду“ (см. ibid.). А мужики и бабы попрежнему сидятъ у воротъ, либо идутъ въ гости къ роднымъ.

Самые большіе праздники—Пасха и Рождество. Къ нимъ моютъ весь домъ, включая и стѣны. Яицы къ пасхѣ красятъ сандаломъ; куличи пекутся на сковородѣ изъ седьми (по числу 7 просфоръ, на которыхъ служится обѣдня) толстыхъ сочней тѣста, съ украшеніями на верху. Яица и куличъ носятъ въ часовню для освященія (сыръ не носятъ).

Радуница бываетъ не во вторникъ, а въ субботу на Ѳоминой недѣлѣ; это одна изъ „родительскихъ субботъ“, которыхъ всего въ году четыре: кромѣ нея—Троицкая, Дмитріева (передъ 26 октября) и мясопустная (передъ масленицей).

XIII. Грѣхи. Здѣсь я даю перечень нѣкоторыхъ „грѣховъ“ (съ точки зрѣнія усеньчанъ): въ этихъ „грѣхахъ“ прекрасно отразился идеалъ нашихъ старовѣровъ—идеалъ *внѣшней святости.*

Употребленіе *табаку* считается самымъ большимъ грѣхомъ. „Кто куритъ табакъ, тотъ уже у насъ не считается сталовѣромъ“ (Ив. Мичуринъ).—Боятся принимать на квартиру кумызниковъ—„табашниковъ“, однако принимаютъ: матеріальные интересы сильнѣе религіозныхъ.

Мягко называютъ табакокуреніе „пустая забава“: „пустой забавой займуется“.

Чай пьетъ большинство усеньчанъ. Въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ самовара, которые, впрочемъ, появились здѣсь сравнительно недавно, большею частію со времени появленія въ селѣ кумысниковъ. При всемъ томъ, очень многіе считаютъ чаепитіе грѣхомъ: „кто *чай* пьетъ, тотъ *отчаянной* отъ Бога“, какъ увѣряла меня Офимья.

Вопросъ о грѣховности чая сильно мучитъ Офимью, ревностную старообрядку. Она съ дѣтства пила чай и очень любитъ эту китайскую травку (Офимьѣ за 50 лѣтъ). Когда они съ мужемъ „отошли“ отъ свекра, то завели и самоваръ. Дочери ея (обѣ уже невѣсты) чаю не пьютъ; одна не пьетъ даже „самоварную воду“, другая пьетъ горячую воду изъ самовара, но безъ чаю. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть вліянія Офимьи, которая тутъ имѣла въ виду прежде всего религіозные интересы (а вмѣстѣ, вѣроятно, и экономическіе: она очень скупая особа). Сама Офимья нѣсколько лѣтъ тому назадъ дала зарокъ не пить чаю. Она простудилась и сильно хворала: „отнялись“ руки и ноги. Во время болѣзни и дала обѣтъ: „Господи-Господи, если подымёшь, такъ чай пить не буду“ („всё говорятъ, что грѣхъ чай пить“). Ну, и выздоровѣла. Цѣлый годъ послѣ того еще пила чай: „не могу стерпѣть; а теперь уже не пью, и не мани́тъ“.

Офимья пьетъ теперь, вмѣсто чаю, „алжирскій экстрактъ“ (какія-то черныя сѣмички въ родѣ горошинъ; продается по 5 коп. коробочка). Другіе пьютъ листья земляники, смородины, вишни, а также тра́вы: блошни́цу, зверобой и нѣкоторыя другія.

По словамъ Офимьи, одинъ „наче́тчикъ говорилъ ей, что чай пить не грѣхъ, только пей въ уложонное время: въ обѣдъ, да въ ужинъ“. Самъ де начетчикъ былъ большой охотникъ до чаю.

Мужъ Офимьи, который по роду своихъ занятій (онъ продаетъ лукъ, разъѣзжая по деревнямъ) долженъ часто

ѣздить, пьетъ чай часто; пилъ всегда и вмѣстѣ со мною, когда я его угощалъ, хотя конечно изъ своей чашки.

3. „И то говорятъ, что *свиней* (т. е. свинину) нонче грѣхъ ѣсть; на года́, говорятъ, дано было ихъ ѣсти-то; теперь года вышли“ (Офимья). Однако Мичурины, и сама Офимья, какъ и всѣ почти „заводскіе“, ѣдятъ свинину.

4. Грѣхъ ѣсть *раковъ*: не рыба, не звѣрь; ровно лягушка.

5. Грѣшно ѣсть *молоко* отъ коровы, которую сосетъ теленокъ.—По этому поводу усеньчане совсѣмъ не даютъ телятамъ сосать своихъ матерей: „крѣпко“ караулятъ, чтобы сейчасъ-же, какъ только теленокъ родится, унести его отъ матери въ избу, гдѣ его поятъ молокомъ, надоеннымъ отъ той-же коровы. Въ теченіе первыхъ 12 дней послѣ отёлу молока отъ коровы вообще не ѣдятъ, но и въ эти дни не даютъ сосать теленку: привыкшая къ тому корова не будетъ де потомъ „спущать“ молока, если теленокъ не будетъ сосать (Офимья).

Этотъ обычай существуетъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, но, напримѣръ въ сарапульскомъ уѣздѣ вятской губерніи, его совсѣмъ не знаютъ.

6. Бритье бороды и усовъ считаютъ „ересью“.

7. Нѣкоторые считаютъ грѣхомъ носить *серьги* въ ушахъ. „Кто сережки (носитъ, того на томъ свѣтѣ за каленыя серьги повѣсятъ“ (говорилъ мнѣ одинъ мальчикъ, конечно со словъ своихъ родителей).—По словамъ Офимьи, женщины носятъ серьги изстари; однако Офимья не протыкаетъ своимъ дочерямъ ушей: у 14-лѣтней Дуни уши все еще не проткнуты. „Когда большія станутъ, тогда пусть сами протыкаютъ“.

8. Грѣхъ ходить *безъ пояса*. „Поясъ всѣ носятъ. Когда крестятъ, такъ крестъ надѣваютъ и поясъ“ (Офимья).

Чистое и поганое. *Собаки* поганы. Ихъ вообще не любятъ; держатъ собакъ сравнительно немногіе.

У *кошки* погано только рыло. Кошекъ держатъ почти въ каждомъ домѣ, но строго слѣдятъ, чтобы кошка не налакала гдѣ-либо въ чистой посудѣ.

Лягушка не погана: она живетъ въ водѣ, да еще въ проточной (Офимья).

Если въ колодезь попадетъ *мышь* или другое что поганое, то нужно выносить изъ колодезя 40 бадей и оставшуюся воду освятить.—У Мичуриныхъ какъ-то попали въ колодезь двѣ кошки. Хозяева долго не знали объ этомъ, и продолжали пить воду изъ колодезя. Прошло съ мѣсяцъ времени, когда, наконецъ, случайно узнали, что въ колодезѣ затонули кошки. И узнали какъ разъ въ тотъ день, когда были испечены хлѣбы и сваренъ квасъ, то и другое на поганой водѣ изъ колодезя. Пошли къ наставнику: „можно-ли ѣсть такой хлѣбъ?" — „Можно; мы поганѣе кошки, да и то святить можно". Хлѣбъ освятили, однако Офимья ѣсть его не рѣшалась; такъ его и скормили коровамъ, которымъ выпоили и квасъ. Изъ колодезя выносили *всю* воду, до дна, и освятили. Однако, когда накопилась новая вода, пить ее не рѣшились. Такъ и засыпали колодезь. „Поди и грѣхъ было не пить и не ѣсть освященное, да не могла: съ души рветъ" (Офимья).

XIV. Повѣрья и примѣты. Ив. П. Мичуринъ, человѣкъ бывалый и много знающій, вѣритъ въ разрывъ—траву: „есть трава, что косúшь да задѣнешь ее, сейчасъ коса на часточки разлетится".

Онъ вѣритъ и въ то, что цвѣтокъ папоротника оберегаетъ нечистая сила; человѣку этотъ цвѣтокъ сообщаетъ таинственную силу.

Онъ самъ видѣлъ однажды, какъ радуга опустилась въ рѣчку Илéнь и пила тамъ воду; это де издали только видно,—близко нельзя видѣть.

Во дворѣ у Ив. Мичурина, равно какъ и у большей части другихъ домохозяевъ на Усенѣ, виситъ у крыльца по связкѣ старыхъ, изношенныхъ лаптей; это—отъ злого глазу: „ярость-та чтобы на лаптяхъ осталась" (Мичуринъ).

Чтобы предупредить „уроки“, нужно положить на голову немного соли и ходить такъ.

Если заблудишься въ лѣсу, то нужно переобуться: на косу ногу надѣнь лапти, и выйдешь (idem).

Зосима и Саватей принесли на Русь пчелъ откуда-то изъ другой земли, потому имъ и молятся пчеловоды.

Если кукушка кукуетъ въ *голомъ* лѣсу, то *голодъ* будетъ *).

Курицы дерутся—мужъ жену побьетъ.

Изъ *примѣтъ о погодѣ* на Усенѣ извѣстны тѣ примѣты, которыя напечатаны въ „Адресъ—календарѣ уфимской губ. и справочной книжкѣ на 1904 годъ“ (Уфа. 1904, стр. 15—16). Кромѣ ихъ, я узналъ отъ усеньчанъ слѣдующія примѣты:

Если весной ключевая вода стоитъ низко, то лѣто будетъ мокрое, и наоборотъ: если высоко, то лѣто сухое. (Въ 1904-мъ году эта примѣта вполнѣ оправдалась).

„Заря горитъ“ послѣ дождя или ненастья—къ ведру.

„Крута́ радуга“—къ ведру.

О 9-мъ маѣ: „Пришелъ Микола съ тепломъ, да съ оводомъ“.

XV. Народная медицина, „Въ старыхъ книгахъ написано, что совсѣмъ не надо лѣчиться, грѣхъ; надо святымъ молиться; и все расписано: какому святому отъ какой болячки молиться: отъ зубовъ—Антипію и т. д. **). Всѣ лѣкарства поганы. Кумызъ же особенно“ (Ив. Мичуринъ).

1. „*Комуха́ тресе́тъ*: сначала ознобъ: хошь шубой покрой, все знобитъ—дрожитъ все тѣло, ноги трясутся. Потомъ

---

*) Срв. поговорку въ ирбитскомъ уѣздѣ пермской губ. «скукувала кукушка *на голый лѣсъ*» («Записки Уральскаго О-ва любит. Естествознанія» т. III, вып. II, ст. Булычева, № 244).

**) Такія росписи имѣются и у православныхъ крестьянъ. Видѣнная мною въ с. Люнѣ сарапульскаго у. была изданіемъ, въ 80-хъ г.г. XIX в., кіево-печерской лавры.

голова заболитъ, жаръ.—Случается комуха отъ уроковъ и отъ простуды. Привяжется, такъ не скоро броситъ; получше будётъ, да опеть. Не любитъ комуха дороги (кто ѣдётъ куды), воды (особенно нóги не надо мочить), простуды".

Лѣчатся отъ комухи такъ: 1), „списокъ читаютъ" (т. е. заговоръ); 2) „какая береза ближе всего къ дому, къ той надо подойти взадъ пяткú и, необорачиваясь, надѣть на нее свой поясъ; а потомъ скорѣе домой. Кто тотъ поясъ возьметъ, того комуха заломаетъ" (Мичуринъ). Этимъ послѣднимъ способомъ Мичуринъ будто-бы вылѣчился, лѣтъ 10 тому назадъ, отъ комухи.

2. „Кто *сдуритъ* (т. е. сойдетъ съ ума), надъ тѣмъ книги читаютъ старопечатныя, да изъ Тимоѳеевки (деревня верстахъ въ 20 отъ „завода") старичка привозятъ" (idem).

Прим. Въ „заводѣ" живетъ дурачокъ отъ рожденія Ямшиковъ, по прозвищу Курмáшъ. Въ отношеніяхъ къ нему крестьянъ замѣтно уваженіе, даже пожалуй нѣкоторое благоговѣніе. Курмашу уже больше 40 лѣтъ. Физически онъ совершенно здоровъ; ничего не работаетъ; ночуетъ, гдѣ придется; ѣстъ также. Придетъ къ любому дому подъ окно и скажетъ: „я ѣсть хочу".—„Хлѣба, или калача". (т. е. чернаго или бѣлаго хлѣба)? спрашиваетъ хозяйка.— „Калача". И даютъ; да еще считаютъ это знакомъ милости Божіей.— Въ церкви Курмашъ бываетъ почти за каждой службой, причемъ часто разговариваетъ громко, а иногда и бьетъ ребятишекъ.

Одни мальчишки не признаютъ за юродивымъ авторитета, и часто дразнятъ его; кличка *курмáшъ* стала у нихъ браннымъ словомъ, синонимомъ слова *дуракъ*.

3. Отъ *курченьгú* (такъ здѣсь называютъ чесотку) моются вёшнею водою, которую берутъ изъ „зажоръ" и грѣютъ въ банѣ.

Отъ тойже болѣзни моются травою черемúсникомъ: парятъ листья травы и трутся ими въ банѣ.

Прим. Черемисникъ (въ гор. Белебеѣ и окрестныхъ деревняхъ: *черемига*, у башкиръ: *аскрáгамъ*)—высокая трава съ широкими листьями, растущими непосредственно изъ ствола; растетъ на сырыхъ мѣстахъ; усеньчане считаютъ эту траву ядовитой: если де баранъ поѣстъ ея въ сѣнѣ, то цѣлый день потомъ „безъ ума лежитъ", и пѣна у рта.—Молодежь копаетъ корни черемисники, сушитъ его и толчетъ; если полученный такимъ образомъ порошокъ поднести къ носу, то начинаешь чихать. Этимъ пользуются мальчики и шалятъ такъ на бесѣдкахъ.

4. Если *змѣя* заползетъ, черезъ ротъ, въ нутро человѣка (что будто-бы случается), то ее выгоняютъ оттуда лошадинымъ потомъ, котораго змѣи вообще боятся (почему и не „жалятъ" лошадей).

Паръ отъ змѣиной крови причиняетъ опухоль.

Ужъ вообще не кусается, но если его разозлить, да онъ укуситъ, такъ тогда уже непремѣнно умрешь.

Ночью змѣи спятъ.

5. Многія болѣзни, особливо глазныя, лѣчатъ водою „Здороваго ключа". Этотъ ключъ бьетъ изъ земли „воронкой" и черезъ нѣсколько саженъ послѣ своего начала впалъ въ р. Усень (немного ниже „завода"). Всякій, кто не проходитъ мимо ручья, почти непремѣнно умывается въ немъ. Прежде приходили лѣчиться и изъ другихъ деревень. Умывающіеся бросаютъ въ ключъ цвѣты, а прежде, будто-бы, и деньги, платки, рубашки, „отплачивая ему за воду".

Вода ключа не имѣетъ никакого вкуса и запаха, слѣдовательно не минеральна. Суевѣрное мнѣніе о цѣлебности ключа объясняется, кажется, тѣмъ, что ключъ этотъ, въ противоположность всѣмъ прочимъ многочисленнымъ ключамъ около „завода", „вышелъ на востокъ", да еще какъ разъ „на благовѣщенскій востокъ" (т. е. по направленію къ тому мѣсту, гдѣ солнце всходитъ въ праздникъ Благовѣщенія).

6. Прививать *воспу* считаютъ грѣхомъ: „антихристова печать". Однако многіе (далеко не всѣ) прививаютъ, глав-

нымъ образомъ изъ боязни ослѣпнуть. Въ „заводѣ“ человѣкъ 10 слѣпыхъ и кривыхъ отъ оспы. Шадровитыхъ множество.

„Ребятъ мало умираютъ отъ воспы: кому умереть,— тотъ умретъ; не умереть—не умретъ“,—такъ фаталистически разсуждаетъ Офимья.

7. *Вóпха*—болѣзнь новорожденныхъ дѣтей, не старше году. Въ чемъ заключается эта бóлѣзнь, я не могъ узнать. Больное дитя „ревётъ всё“. „Съ вопхой родятся“ (т. е. это считается прирожденною болѣзнью), причемъ родившіеся „съ вóпхой“ большею частію умираютъ.

8. *Французская болѣзнь* (т. е. сифилисъ) изрѣдка встрѣчается, заносимая съ сосѣднихъ фабрикъ. Лѣчатъ отъ нея „доргóй травой“.

Назову еще болѣзни: *песя́къ* (т. е. песій ячмень, лѣчить который — горячимъ хлѣбомъ — здѣсь не умѣютъ); *корúха* (корь); *насмóка* (насморкъ).

О болѣзняхъ см. еще выше: гл. IV.

XVI. Игры, бесѣдки и другія развлеченія. Замѣчательна, даже удивительна бѣдность игръ у усень-ивановской дѣтворы. Употребительны здѣсь, въ сущности, только двѣ игры; 1) *въ чýшку* и 2) *въ ля́пки.* Этими играми развлекаются дѣти обоего пола и всѣхъ возрастовъ, начиная съ 4—5 лѣтнихъ до жениховъ и невѣстъ включительно.

Игра *въ чýшку* въ другихъ мѣстностяхъ Великороссіи извѣстна подъ именемъ игры *въ чижъ.* Чушка, это—палочка, которую кладутъ на землѣ на небольшое возвышеніе, подшибаютъ одинъ изъ ея концовъ палкой и потомъ бьютъ ее на лету той же палкой.—Въ другихъ мѣстностяхъ эта игра варьируется; различается, напримѣръ, „чижъ съ колà“; на Усенѣ нѣтъ никакихъ варіацій.—Играютъ въ чушку больше мальчики, рѣже дѣвицы.

Въ ля́пки или въ *гáльки* играютъ больше дѣвочки, иногда вмѣстѣ съ мальчиками. Эта игра возможна, какъ на улицѣ, такъ и въ комнатѣ. Берется пять галекъ, т. е. мелкихъ гладкихъ камешковъ, которые передвигаются и разбрасы-

ваются разнымъ образомъ, потомъ вновь собираются. Различается два вида игры, въ каждой по пяти фигуръ. (Игру эту я встрѣчалъ также въ гор. Сарапулѣ).

По разсказамъ усень-ивановскихъ дѣтей, они играютъ еще въ *облýношное* (т. е. въ лунки, мячемъ вологод. *эгга*: Иваницкій, 160) и въ *кóзны* (бабки; общеизвѣстная игра). При первой игрѣ *мерéкаются* *), т. е. считаютъ, обхватывая попеременно руками палку, кому первому ловить мячъ.

Я не считаю играми дѣтскихъ забавъ, въ родѣ катанья колеска взадъ и впередъ, бѣганья въ перегонки, „въ лошадки" и т. п. Я говорю только объ играхъ, имѣющихъ нѣкоторую организаціи.

Въ горѣлышки играть, — такъ называютъ здѣсь не извѣстную игру въ горѣлки, которой даже не знаютъ, а чинное гулянье молодежи въ одномъ изъ заулковъ по праздникамъ. Гуляетъ только молодежь, имѣющая одежду, приличную для невѣсты или жениха. Дѣвушки гуляютъ съ 14 лѣтъ, парни съ 11—17. Дѣтвора толпится по сторонамъ. Женатыхъ и замужнихъ, тѣмъ болѣе стариковъ здѣсь нѣтъ; рѣдко-рѣдко придетъ посидѣть молодушка съ ребенкомъ на рукахъ—вспомнить свое дѣвичье житье.

Молодежь гуляетъ на Усенѣ (равно какъ и въ троицкихъ заводахъ) не парами, какъ то водится повсюду на Великой Руси, а тройками: парень въ серединѣ, двѣ дѣвицы по бокамъ его („какъ берегъ"); иногда одинъ парень гуляетъ съ 3-мя или 4-мя дѣвицами или два парня съ 4—5-ю. Такъ ведется здѣсь „испоконъ вѣка"; кто вздумалъ-бы гулять парой, того „засмѣютъ". „Парами-то Богъ знаетъ куды могутъ уйти",—объяснилъ мнѣ А. Кирьяновъ.

Быть можетъ, тутъ не осталось безъ вниманія и то обстоятельство, что дѣвицъ больше числомъ, чѣмъ кавалеровъ.

Кавалеръ приглашаетъ гулять знакомую ему дѣвицу, за которою онъ ухаживаетъ. Та беретъ съ собою свою подругу.

---

*) *Мерекать* собственно «раскидывать умомъ, рѣшать что, недоумѣвать».

Такъ составляется тройка. При гуляньѣ за руки не берутся. Многіе ѣдятъ сѣмички (подсолнечника).

Лѣтомъ въ большіе праздники: Вознесенье, Троицу, Николинъ день (9-го мая), въ Ивановъ день (24 іюня) и др., ходятъ, послѣ вечерни, *на кирдý* (говорятъ и: *„на лугъ идти“*). *Кирдá*—одно изъ многихъ башкирскихъ словъ, вошедшихъ въ лексиконъ усеньчанъ; такъ называется изгородь, окружающая поле. Идутъ „на кирду“ непремѣнно черезъ Барскій заулокъ. „На кирдѣ“ поиграютъ немного „въ горѣлышки“ и поютъ пѣсни, а потомъ всѣ идутъ *въ заулокъ*, гдѣ и начинается настоящее гулянье, описанное нами выше.

Когда солнышко уже начинаетъ садиться, поютъ пѣсни, иногда даже пляшутъ подъ гармонику (хотя вообще пляску считаютъ большимъ грѣхомъ). Какъ только солнышко закатилось, всѣ идутъ по домамъ, почти всегда съ пѣснями. На пути еще постоятъ или посидятъ небольшими группами у воротъ, причемъ здѣсь молодежь держитъ себя гораздо вольнѣе, чѣмъ въ заулкѣ. Здѣсь допускаются и объятія, тогда какъ въ заулкѣ даже не ходятъ „подъ ручку“. Я былъ свидѣтелемъ случая, когда парень обхватилъ за талію 17-лѣтнюю дочь Офимьи Оганю, пронесъ ее такимъ образомъ нѣсколько аршинъ и посадилъ рядомъ съ собою. Характерно, что видѣвшая все это мать Огани только закричала издали: „алй изорвать хочешь кофту-ту?“ (кофта была новая камлотовая).

Пѣсни, которыя поетъ усень-ивановская молодежь,—двухъ-строчныя частушки (здѣсь, впрочемъ, это названіе не употребляется, а просто „пѣсня“). Репертуаръ пѣсенъ очень бѣдный. Приведу, для примѣра, слышанныя мною пѣсенки:

Моя милка плакала,
Мое сердце окапала.

(Срв. *Д. Зеленинъ,* Пѣсни деревенской молодежи, № 461).

Йли: Нашто намъ было совыкацца,
Когда пришлося разставацца?!

Другія развлеченія молодежи лѣтомъ:

1) Парни послѣ заката солнца ходятъ по улицамъ и поютъ пѣсни. Гармоникъ во всемъ заводѣ не больше двухъ; старики ихъ очень не любятъ. И пѣсни пѣть будто-бы запрещаетъ урядникъ. Нынѣшнимъ же лѣтомъ еще и „батюшка“ (священникъ) просилъ не пѣть пѣсенъ въ виду военнаго времени: „тамъ кручина, а у васъ радость“!

2) Партіи дѣвушекъ ходятъ въ „сосня́къ“ (сосновый лѣсъ на другомъ берегу р. Усеня), а также въ глухіе заулки. Поютъ пѣсни. Дѣвушки идутъ въ лѣсъ безъ кавалеровъ, но тамъ часто происходятъ, яко-бы нечаянно, встрѣчи.

3) Весною ходятъ въ лѣсъ за кислицей, также партіями. Не обходится, какъ кажется, безъ веселыхъ приключеній.

4) Въ праздники днемъ сидятъ у воротъ домовъ, на завалинкахъ и бревнахъ; дѣвицы и парни вмѣстѣ.

Въ троицкихъ заводахъ, по словамъ Кирьяновой, „гуляютъ больше и лучше“, но также тройками, а не парами.

Тамъ бываетъ и „караводъ“: „кружа́ются плавненько“ и поютъ пѣсни.

Зимою, съ Покрова до марта, бываютъ *бесѣдки*; въ старое время, когда усеньчане еще не сѣяли хлѣбъ, бесѣдки начинались съ 1-го сентября. Живущія въ одномъ околоткѣ или въ одномъ заулкѣ дѣвицы нанимаютъ на зиму избу у кого-либо изъ своихъ сосѣдей. Собирается, самое бо́льшее, 18—20 дѣвушекъ, чаще 5—10. Каждая платитъ хозяину избы по 50 коп. въ зиму. Керосинъ покупаютъ по очереди. Въ нанятую избу собираются по вечерамъ ежедневно, кромѣ субботъ (и вообще кануна праздниковъ, когда грѣхъ работать). На бесѣдкахъ чаще всего прядутъ, иногда вяжутъ чулки.

Старики объясняли мнѣ пользу бесѣдокъ такъ: „меньше керосину сожгутъ; больше сро́бятъ (т. е. сработаютъ): дома скушно, и скорѣе спать завалятся“.

Парней на бесѣдкахъ вообще не бываетъ. Только по воскресеньямъ они ходятъ, гурьбой, съ одной бесѣдки на другую. Будто-бы сидятъ на каждой бесѣдкѣ всего минутъ 5, даже 3 минуты; больше де молчатъ.

Съ третьяго дня Рождества до 4-го января вмѣсто бесѣдокъ бываютъ *святки.* Дѣвицы собираются тамъ-же, но безъ работы. „Играютъ пѣсни“: „чижика“, „у воротъ Маша стоитъ“, „въ вора играютъ“, „барыней“. Парни приходятъ точно такъ же, какъ и на бесѣдки по воскресеньямъ: посидятъ да и уйдутъ. Кромѣ того, на святкахъ бываютъ *святошники,* т. е. ряженные. Это большею частію парни, рѣже бабы. „Надѣнетъ одёжу не свою: парень—бабью, либо какъ, шубу навыворотъ, шляпу украситъ лентами; лицо закроетъ, чтобы нельзя было узнать“. Настоящихъ (купленыхъ) масокъ въ „заводѣ“ не больше 2—3-хъ, но многіе вырѣзываютъ сами изъ бумаги. Рядиться усеньчане считаютъ грѣхомъ; въ крещенской проруби однако для смытія съ себя этого грѣха не купаются, по той простой причинѣ, что такой проруби не бываетъ: крестные ходы старообрядцамъ запрещены.

Въ осенній „мисовѣдъ“ изрядка бываютъ *вечера,* на которыхъ также „играютъ пѣсни“. Но на вечера собираются по зову; устраиваютъ ихъ богатые отцы, у которыхъ есть дочери—невѣсты.

XVII. Свадьбы (по-мѣстному: *сварьбы*) бываютъ большею частію зимой, отъ Рождества до масленицы.

Женятся большею частію 18-ти лѣтъ, а иногда и раньше, даже 15. Изъ 14 молодыхъ людей, ушедшихъ осенью 1903-го года въ солдаты, 5 ушли женатыми; у нѣкоторыхъ изъ нихъ были уже дѣти.—Невѣстъ берутъ отъ 15 до 25 лѣтъ; старше—только вдовцы.

„Старыхъ дѣвъ“ въ „заводѣ“ не мало, никакъ не меньше 30. Живутъ онѣ большею частію у братьевъ, лишь немногія самостоятельно: однѣ обучаютъ дѣтей, другія шьютъ и т. п.—Старыхъ холостяковъ очень немного; въ ихъ числѣ есть неспособные къ брачной жизни; одного такого жена бросила вскорѣ послѣ свадьбы.

Случаи *развода* нерѣдки. Большею частію мужъ прогоняетъ свою жену. Были случаи, когда это произошло черезъ четыре мѣсяца послѣ свадьбы. Прогнанная жена уходитъ къ

своему отцу; а если отецъ не приметъ,—въ стряпки (въ городъ). Разводятся потому, что „плохо живутъ“, ссорятся. Въ прежніе годы бывало такъ: если молодой мужъ плохо живетъ со своей женой, то заводскіе старики призовутъ въ правленье ихъ отцовъ и скажутъ имъ: „если не уймете своихъ дѣтей, то не будемъ васъ въ моленну пущать: нѣтъ вамъ части въ нашемъ обчествѣ“. И этимъ дѣло большею частію улаживалось. Теперь случаи расхода все чаще и чаще.

Прогнавъ свою бабу, иногда уже съ дѣтьми, мужикъ заводитъ „наложницу“. Подъ этимъ послѣднимъ именемъ извѣстна невѣнчанная жена вообще. Часто разведенный (какого нибудь оффиціальнаго обряда развода не существуетъ) и вѣнчается съ другой; „свой попъ“, конечно, его уже не повѣнчаетъ, за то повѣнчаетъ другой, въ крайнемъ случаѣ — великороссійскій. Сами усеньчане говорили мнѣ (больше въ шутку), что у нихъ очень легко можно повѣнчаться четыре раза сряду, все съ новыми: въ 1-й разъ въ Вольскѣ, либо у благословеннаго старичка въ „Осиповшинѣ“; 2-й—у о. А. въ заводской часовнѣ; 3-й—у „австрицкаго“ попа въ Письмянкѣ, 4-й—у великороссійскаго въ Котузахъ. Всѣ четыре брака будутъ de jure законными. Такихъ случаевъ, однако, не бывало, но у двухъ поповъ вѣнчаются нерѣдко.

Свадебный обрядъ очень упрощенъ. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что въ прежнее время въ заводѣ своего попа не было. Попы наѣзжали тогда со стороны, наѣзжали крайне рѣдко, съ большою опасностію, и не больше какъ на 2—3 дня. Никто не могъ предвидѣть, когда пріѣдетъ попъ, почему и торопились воспользоваться случайнымъ присутствіемъ попа, чтобы повѣнчаться: упустишь время, и дожидай, пожалуй, лѣтъ 5—10. Вся свадьба обдѣлывалась въ 2—3 дня: за точнымъ исполненіемъ всѣхъ обрядовъ слѣдить было некогда.

Парень обыкновенно самъ выбираетъ себѣ невѣсту, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ „себя не знаетъ“ (проще говоря: глупъ или еще слишкомъ молодъ). Молодежь знако-

мится на гуляньяхъ, ухаживаютъ другъ за другомъ; парень потомъ объявляетъ своимъ родителямъ объ избранной имъ дѣвушкѣ.—Для невѣсты же главнѣе всего согласіе ея родителей.

Сватьё идутъ отъ жениха къ родителямъ невѣсты сватать. Садятся всегда „подъ матку“, изъ чего уже сразу можно заключить о цѣли прихода (случается иногда, что матки въ избѣ нѣтъ; тогда сватьё говорятъ: „у васъ и подъ матку-ту нельзя сѣсь!“). Сразу-же заговариваютъ о дѣлѣ. Старики часто не знаютъ жениха,—тогда его сваты приводятъ на показъ. Если родители невѣсты согласятся, то сейчасъ-же бываетъ *запой*.

На запой собираютъ все родство, „съ йху и съ нашу стороны́“, ударятъ по рукамъ, прочитаютъ молитву и выпьютъ вино. Дѣвицы-подруги невѣсты поютъ иногда жалобныя пѣсни; напримѣръ, когда затепляютъ свѣчу передъ молитвой, поется:

„Не ’ставай, родимой батюшко,
Ты среди-то полу дубоваго;
Не затепляй, родимой батюшко,
Ты свѣчу-ту воску ярову;
Не запивай, родимой батюшко,
Ты мою добру головушку!“ *).

О приданомъ и о „кладкѣ“ обыкновенно не рядятся. Женихъ „кладетъ“ „*на столъ*“ отъ 2 до 5 рублей, а часто еще (въ случаѣ, если отцу невѣсты трудно самому устроить свадьбу) муки и говядины. Въ *приданое* (за невѣстой) идетъ одёжда, постеля и скотина; подъ постелью разумѣютъ перину или войлокъ и четыре подушки.

Послѣ запоя гости не надолго уходятъ, чтобы потомъ вновь придти *съ пирогамъ* („на вечерку“ тожъ). Съ невѣстой остаются ея подруги, которыя поютъ ей жалобныя пѣсни.

---

*) Судя по содержанію и по обращенію къ отцу, это собственно «причетъ» невѣсты, но его теперь «поютъ» подруги невѣсты.

На вечерку старшія сестры невѣсты (а если ихъ нѣтъ или мало, то снохи или крёсна) приносятъ два (рѣже три) сладкихъ пирога: одинъ невѣстѣ, другой дѣвицамъ—подружкамъ, которыя поютъ пѣсни. (Послѣднія ѣдятъ этотъ пирогъ, когда гости уйдутъ). Невѣста даритъ принесшимъ по хорошей *утиркѣ* (полотенцу). Потомъ начинается самая *вечёрка*: угощаются, пьютъ вино. Женихъ сидитъ рядомъ съ невѣстой.

Вечёрка кончается довольно поздно. Гости уходятъ; остаются подруги невѣсты и иногда еще женихъ. Послѣдній „караулитъ" свою невѣсту часто даже до утра. Бываетъ это въ томъ случаѣ, если „грозятся" или вообще могутъ „отбить" его невѣсту: другой женихъ уговоритъ невѣсту,—та и убѣжитъ къ нему, да скорѣе подъ вѣнецъ. Такіе случаи бываютъ и теперь. Одинъ отецъ, дочь котораго убѣжала такимъ образомъ послѣ запоя и вечерки къ другому жениху, вчинилъ даже искъ противъ своего не-ожиданнаго зятя, и волостное правленье присудило ему взыскать съ зятя „за безчестье" 30 рублей.

На другой день утромъ часто уже вѣнчаются. Въ поѣздѣ тысяцкаго нѣтъ; здѣсь неизвѣстно совсѣмъ и самое это названіе. Крёсный жениха играетъ ту роль, которую обычно исполняетъ дружка; онъ сидитъ за столомъ рядомъ съ женихомъ, въ церкви также около него; приговоровъ дружки почти нѣтъ. При невѣстѣ ту-же роль исполняетъ сваха, большею частію крёсная, не то сестра или сноха невѣсты.

Прежде чѣмъ ѣхать къ вѣнцу, дружка говоритъ: „сватушко и свахонька, на нашо посмотрите, да своё покажите!" Сваха, въ отвѣтъ на эти слова, приводитъ невѣсту, которая все время сидитъ у печи среди своихъ подругъ. Невѣста подходитъ къ столу, кланяется гостямъ и уходитъ обратно. Отецъ жениха идетъ за нею. Подружки заслоняютъ невѣсту, а то и прячутъ подъ скамейку; одна изъ подругъ держитъ невѣсту за косу. Свекоръ (отецъ жениха) долженъ выкупить невѣсту, что̀ онъ и дѣлаетъ.

Молодыхъ благословляютъ ѣхать къ вѣнцу, но „коекакъ"; „по-настоящему-же" благословляютъ уже послѣ вѣнца.

Родители обѣихъ сторонъ присутствуютъ при обрядѣ вѣнчанія, послѣ котораго сваха заплетаетъ невѣстѣ двѣ косы и *священникъ самъ* (въ этомъ отличіе отъ православнаго обряда) кладетъ ей на голову *чехлушку*, которую сейчасъ-же и надѣваетъ на нее сваха.

Послѣ вѣнца новобрачные и гости ѣдутъ въ домъ жениха, а родители невѣсты къ себѣ домой; за ними потомъ посылаютъ подводу.—Пиръ продолжается до ночи, когда молодыхъ уводятъ на подклѣтъ.

На другой день собираются *на блинки*. На третій день большею частію уже начинаютъ обычную работу.

Черезъ недѣлю или черезъ двѣ послѣ вѣнца, большею частію въ воскресенье, бываетъ *большой столъ*. Бываетъ онъ не всегда, а только у тѣхъ, кто побогаче. Главное отличіе его въ томъ, что „на большой столъ кладутъ деньги". Все родство собирается въ домѣ жениха. Послѣ обычной пировни молодушка беретъ подносъ со стаканами, а ея молодой мужъ графинъ вина, и угощаютъ всѣхъ гостей, начиная со своихъ отцевъ. Гости кладутъ на подносъ невѣстѣ подарки: мущины—деньги, отъ 20 коп. до 2-хъ рублей, а женщины чаще всего ситцу на платье, шаль или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Въ тотъ-же день въ домѣ родителей невѣсты бываютъ *отóзвины*. Со слѣдующаго дня пойдетъ „чередовá" по всему родству: каждый день обходятъ дома по три родственниковъ; вездѣ, конечно, угощаются. У „богатыхъ" хватаетъ родни дня на три, на четыре. Называется это—„*послѣ большого стола ходить*".

Молодые живутъ въ домѣ женихова отца 2—3 года, въ очень рѣдкихъ случаяхъ до 10 лѣтъ, послѣ чего уходятъ жить врозь. Случается, что, за неимѣніемъ собственнаго дома, уходятъ „на фатеру". Главная причина раздѣловъ, по словамъ крестьянъ,—„ссорятся бабы".

Въ случаѣ смерти мужа жена возвращается къ отцу, а если тотъ не возьметъ, идетъ въ городъ въ прислуги. Нѣкоторыя вдовы живутъ у братьевъ.

Жена зоветъ своего мужа, при постороннихъ, по имени и отчеству, напр. „Иванъ Петровичъ", рѣже: „отецъ" (только уже послѣ появленія дѣтей). Мужъ жену однимъ именемъ, напр. „Офимья".

Дѣти обращаются къ родителямъ на „ты"; зовухъ ихъ: „тятинька", „маминька". Родители зовутъ дѣтей уменьшительными именами: Ога́ня (Агафья), Маша, Луша и т. п. „Дѣвчо́нки", такъ обращается О. къ своимъ дочерямъ вообще: одной изъ дочерей 17, другой 14 лѣтъ.

XVIII. Женщина. Въ дѣлахъ вѣры женщина, особливо-же старуха, вообще знаетъ больше мущины. Исключеніе составляютъ лишь начетчики. Въ этомъ отношеніи и самые дѣловые мужья обычно отдаютъ предпочтеніе своимъ женамъ, которыя, къ тому-же, гораздо рѣже сталкиваются съ представителями иной вѣры. При всемъ томъ, принимать какое-либо активное участіе въ богослуженіи, хотя-бы пѣть въ часовнѣ, женщина не имѣетъ права.

Во всѣхъ прочихъ сферахъ жизни женщина стоитъ ниже мущины. Пословица: „кобыла не лошадь, *баба не человѣкъ*", здѣсь распространена и признается, хотя женщины и отвѣчаютъ на нее другою пословицею: „кобылка жеребчика удалѣе: и воза возитъ, и жеребятъ носитъ". Главою дома и семьи всецѣло является мужъ. Бо́льшая часть женщинъ и у сосѣдей извѣстны только по именамъ ихъ „мужиковъ" (т. е. мужей): Пе́тиха, Ваниха, и т. п. И только сравнительно немногихъ, бойкихъ и самостоятельныхъ женщинъ сосѣди зовутъ ихъ собственными именами: Анна, Луша, Офимья и т. п.

„Бабамъ легче живется",—увѣряла меня Офимья, подтверждая это конкретнымъ случаемъ: „вотъ, мужик'отъ у меня въ лѣсъ ушолъ (искать лошадь), а я дома". Такъ говорятъ и многіе другіе усеньчане, удивляясь, почему „бабы живутъ меньше, чѣмъ мужики": вдовцовъ въ „заводѣ" больше, чѣмъ вдовъ.

XIX. Дѣти; школа. Мальчикамъ всегда даютъ, при крещеніи, имя того святого, память котораго празднуется на

восьмой день послѣ рожденія младенца. Дѣлается такъ въ память обрѣзанія Господня въ восьмой день. По отношенію къ дѣвочкамъ этотъ обычай не примѣняется: имъ даютъ имя святой, память которой въ день рожденія младенца, или послѣ, или даже раньше этого дня. (У православныхъ послѣднее обычно не допускается).

У дѣвочекъ волосъ никогда не подстригаютъ: какъ родятся, такъ и растутъ до смерти. Мальчиковъ подстригаютъ, всегда оставляя, однако, довольно большіе волосы, какъ у взрослыхъ. По разсказамъ, въ старину у мальчиковъ выстригали еще макушку. Теперь обычай выстригать макушку сохранился у очень немногихъ стариковъ (старше 50 лѣтъ). „У насъ въ книгахъ не написано, что надо выстригать верхушку; написано только, что не отращивай больно длинныхъ волосъ: не ходи, какъ попъ“ (Мичуринъ).

Уже не менѣе 10 лѣтъ, какъ на Усенѣ открылась земская школа, смѣшанная. Теперь тамъ учится 40—60 дѣтей. Это большею частію дѣти самыхъ бѣдныхъ родителей. Вообще-же, усеньчане смотрятъ на земскую школу косо. На первыхъ порахъ существованія школы поступали въ нее крайне туго, да и то, будто-бы, спорили на урокахъ съ учительницей, доказывая, напримѣръ, что земля стоитъ на трехъ китахъ.

За то, въ заводѣ много частныхъ учителей и учительницъ („учительши“). Послѣднія—большею частію старыя дѣвы. У учителя или „учительши“ обычно учится одновременно 10—20 человѣкъ. За „все ученье“ учительша беретъ 6 рублей, а то и 3—4, смотря по „богачеству“ родителей учащагося. Кромѣ того, конечно, подарки. Учителю платятъ больше. Мальчики учатся всегда у учителя, дѣвочки—у учительши.

Учатъ эти доморощенные педагоги постаринному. Сначала „азы́“, затѣмъ „склады́“ („буки—азъ-ба“), послѣ чего переходятъ къ часовнику. Когда часовникъ весь прочитанъ, слѣдуетъ псалтырь. Этимъ заканчивается обычный, минимальный курсъ ученія. Немногіе „учатъ“ еще шестодневъ. Цѣль

обученія—бойко читать названныя книги. Достигается это большею частію тѣмъ, что самый текстъ часовника и псалтыри заучивается почти наизусть. Учащіеся собираются каждый день къ учителю и всякій разъ сначала повторяютъ „зады“, прочитывая данную книгу всю сначала. Потомъ заучиваютъ немного впередъ, и этимъ урокъ заканчивается. По праздникамъ же впередъ нейдутъ, а ограничиваются одними „задами“.

Лучшіе ученики читаютъ и поютъ на клиросѣ. При чтеніи незнакомаго текста они, видимо, встрѣчаютъ большое затрудненіе.

Гражданскую азбуку не проходятъ, цыфирь—также (съ церковно славянскимъ счетомъ по буквамъ знакомятся). Въ результатѣ, многіе мужики и почтенные старцы, не говоря уже о женщинахъ, не умѣютъ отличить 15-копѣечной монеты отъ 20-копѣечной (другія монеты различаютъ по величинѣ).— Писать учатъ только „уставомъ“ (печатными церковными буквами; „скорописью“, т. е. нашимъ обычнымъ письмомъ, умѣютъ писать весьма немногіе: бо́льшая же часть и не разбираетъ скорописи.

Неграмотныхъ старовѣровъ, въ сущности, въ „заводѣ“ нѣтъ: всѣ читаютъ псалтырь и часословъ. Но, не зная „гражданской печати“, любятъ называть себя „неграмотными“, что, какъ видимъ, и близко къ истинѣ.

Отдавать своихъ дѣтей въ земскую школу не любятъ изъ боязни, „кабы не научили чему дурному“: „вольничать начнутъ“, „наши (учителя) все по старинѣ“. Въ школу поступаютъ почти одни сироты, еще бѣдняки. Бываютъ въ послѣднее время и случаи, когда кончившіе земскую школу поступаютъ еще учиться къ своему учителю и наоборотъ: послѣ своего учителя идутъ въ школу.

Многіе родители, наконецъ, учатъ своихъ дѣтей сами, конечно „по старинѣ“. Мальчиковъ учитъ отецъ, дѣвочекъ— мать. Чаще всего бываетъ такъ, что научивши кое-чему дома,

посылаютъ дѣтей къ учителю; тогда и платить за ученье приходится меньше.

Изъ книгъ почти въ каждомъ домѣ имѣется часовникъ, псалтырь и канунникъ. По нимъ молятся Богу, по нимъ-же учатъ своихъ дѣтей грамотѣ. Покупаютъ книги въ Москвѣ, а въ послѣднее время также и „въ Кидашахъ", т. е. Троицкомъ заводѣ. Въ этомъ послѣднемъ теперь большею частію не учатъ дѣтей дома (а посылаютъ въ школу), почему и книги имъ стали не нужны. Но печатныя книги (старой печати) слишкомъ дороги, и покупаютъ ихъ чаще только для моленныхъ. Для домашнихъ же потребностей большею частію пользуются писанными книгами. При пожарѣ 1890 года въ Усень-Ивановскомъ заводѣ сгорѣло, между прочимъ, и много старинныхъ печатныхъ книгъ; замѣнены онѣ теперь почти исключительно писанными книгами. Писаны книги уставомъ; заглавныя буквы выведены киноварью, украшены виньетками; переплетъ кожаный, съ застежками. Полная имитація печатной книги, такъ что на первое впечатлѣніе трудно отличить писаную книгу отъ печатной. Цѣнятся писанныя книги гораздо дешевле; напримѣръ, псалтырь стоитъ 8 рублей, тогда какъ печатный—15—25 рубл.; писанный канунникъ (7 кануновъ) $2^1/_2$ р. Перепискою книгъ занимаются и нѣкоторые изъ мѣстныхъ грамотѣевъ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что доморощенные педагоги своими нелѣпыми способами обученія сильно забиваютъ ребятишекъ. Этимъ обстоятельствомъ я лично склоненъ объяснять тотъ фактъ, что среди заводскихъ крестьянъ крайне трудно найти талантливаго человѣка, какіе вообще въ нашемъ народѣ, особенно-же среди сибиряковъ, довольно обычны. По крайней мѣрѣ изъ сотни знакомыхъ мнѣ усеньчанъ я не нашелъ ни одного, выдающагося по своему уму. Всѣ практичны, но особеннымъ умомъ не отличаются. Впрочемъ, и весь прочій укладъ мѣстной жизни ничуть не способствуетъ выдѣленію отдѣльныхъ личностей: онъ не любитъ выскочекъ и „золотая середина"—его идеалъ.

Но, съ другой стороны, я не встрѣтилъ на Усенѣ и того „мрака невѣжества“, который довольно обычно связывается у насъ съ представленіемъ о „расколѣ“. То правда, что кругозоръ мѣстнаго старовѣра не широкъ, онъ съуженъ въ силу традиціи и въ цѣляхъ поддержанія этой традиціи. Суевѣрій и предразсудковъ въ мѣстномъ крестьянинѣ много, но они, на мой взглядъ, не играютъ столь существенной роли въ его жизни и убѣжденіяхъ, какъ то нужно сказать о нашемъ православномъ населеніи: они сглаживаются, стушевываются передъ суммою тѣхъ религіозно-церковныхъ истинъ, которыя составляютъ суть старообрядчества; стушевываются передъ несокрушимою вѣрою въ то, что написано въ „старыхъ книгахъ“. Эти „старыя книги“ являются, въ глазахъ старовѣра, авторитетомъ, высшимъ по сравненію съ тѣмъ, что мы называемъ предразсудками и суевѣріями и что вообще въ „старыхъ книгахъ“ отсутствуетъ.

Никакихъ проявленій религіознаго фанатизма я не встрѣчалъ.

XX. Новыя вѣянія. Весь укладъ жизни усеньчанъ, съ ихъ преклоненіемъ передъ стариною, съ идеалами въ этой старинѣ и съ самымъ мрачнымъ взглядомъ на современную жизнь города,—укладъ этотъ какъ нельзя болѣе рѣзко противорѣчитъ тѣмъ „новымъ вѣяніямъ“, которыя все сильнѣе и сильнѣе врываются въ нашу патріархальную деревню. Вѣянія эти извѣстны у насъ обычно подъ именемъ „городской“ или „фабричной цивилизаціи“. Гармоника и пиджакъ—вотъ первыя ласточки этой „цивилизаціи“ въ деревнѣ вообще. Среди же старовѣрческой молодежи первою ласточкою является запретная папироска. Дальше слѣдуетъ ослабленіе родительскаго авторитета, ослабленіе религіозности и т. д.

Всего этого, какъ огня, боятся старики—усеньчане. И пока они умѣютъ держать дѣтей въ своихъ рукахъ, въ нѣдрахъ своего канона, умѣло оберегая ихъ отъ стороннихъ вліяній. Достигаютъ они этого искуснымъ воспитаніемъ. Отецъ постепенно, шагъ за шагомъ приучаетъ своего сына къ боль-

шей и бóльшей самостоятельности, но полную свободу даетъ ему только тогда, когда сынъ уже женатъ и обзавелся дѣтьми: тогда только происходитъ раздѣлъ, и сынъ становится полнымъ хозяиномъ. Но къ этому времени у него уже „перебѣсились“ порывы молодости, онъ уже уравновѣшенъ, и изъ него выходитъ преданный старовѣръ.

Кстати замѣчу, что я дивился этому педагогическому такту усеньчанъ, не встрѣчая такого такта у другихъ великоруссовъ. Обыкновенно нашъ мужичекъ либо слишкомъ крутъ съ своими дѣтьми, либо слишкомъ ужъ „распускаетъ возжи“. Результаты въ томъ и другомъ случаѣ одинаково плачевны. Запретный плодъ сладокъ, а „гдѣ стромко, тамъ и ёмко“. Если же порывы молодости совсѣмъ не обуздывать, а даже поощрять, то выйдетъ и еще хуже. Усеньчане въ этомъ отношеніи нашли золотую середину. Отношенія дѣтей къ родителямъ всегда любовныя, близкія, но почтительныя. Если отецъ живъ, то сынъ никогда не „испортится въ конецъ“. Это случается только въ случаяхъ преждевременной смерти отца.

При всемъ томъ, усеньчане очень боятся за будущее, съ ужасомъ думаютъ, чтó будетъ дальше. Взгляды ихъ въ этомъ отношеніи мрачны. „Нельзя отдавать дѣтей въ земскую школу, тѣмъ болѣе посылать ихъ учиться въ городъ. Нельзя отпускать дѣтей въ отхожіе промыслы. *Они уже будутъ не наши*“.

Такъ разсуждаютъ старики—усеньчане (сваливая чаще всего вину на то, что „люди стали хуже“). И они правы. Дѣйствительно, не идущему ни на какія уступки укладу жизни старовѣровъ грозитъ печальный конецъ. Жизнь дѣлаетъ свое дѣло. „Новыя вѣянія“ проникаютъ понемногу и на Усень.

Въ бытность свою въ Усень-Ивановскомъ заводѣ я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая. Въ одинъ изъ праздниковъ, среди бѣлаго дня, одинъ молодой человѣкъ, шатаясь отъ выпитаго вина, прошелъ, въ сопровожденіи своего товарища, по заводской улицѣ, ругаясь поматерному и распѣвая пѣсню:

Я мальчишко не куракъ:
Пью вино, курю табакъ!

Въ заключеніе, онъ вынулъ изъ кармана папиросу и закурилъ *). Все это произошло какъ разъ въ такое время, когда бо́льшая часть заводскихъ обитателей сидѣла у своихъ воротъ на улицѣ.

Скандалъ, съ точки зрѣнія усеньчанъ, невозможный. „Не онъ это дуритъ, а *вино* въ немъ",—утѣшали себя нѣкоторыя бабы. Другія крестились и уходили домой. Старики уныло покачивали головой.

Парень—скандалистъ былъ сирота: у него нѣтъ отца. Въ этомъ и его оправданіе. Въ противномъ случаѣ заводскіе старики поставили-бы его отцу такой ultimatum: „обуздай своего сына, не то—въ нашемъ обчествѣ нѣтъ тебѣ части!"

Описанный случай—пока рѣдкій, исключительный. Но жизнь идетъ къ тому, что такіе случаи будутъ все чаще и чаще: они заразительны. А разъ плотина будетъ прорвана, тогда старикамъ не совладать съ молодежью.

Другая опасность—отхожіе промыслы. Теперь они здѣсь крайне рѣдки; благо усеньчане живутъ не бѣдно. Но случись неурожай или другое стихійное бѣдствіе, какія такъ обычны въ нашей деревнѣ,—и отцы принуждены будутъ послать своихъ дѣтей на промыслы. Между тѣмъ, молодой человѣкъ, разъ онъ ушелъ въ далекій городъ на промыселъ, почти окончательно потерянъ для старовѣровъ: послѣ вольной и полной соблазновъ жизни въ городѣ онъ едвали возвратится подъ суровый режимъ отца и родныхъ.

Вотъ случай. Чахоточный старикъ Исакъ М. отпустилъ своего сына въ Сибирь. Главная причина тому: сыну, единственному работнику въ семьѣ, не на что было жениться; въ домъ къ нимъ никто не пойдетъ: домъ плохой, все бѣдно, дѣти малы, старикъ самъ боленъ. Парень долженъ былъ на-

*) Тайно курящихъ табакъ среди заводской молодежи не мало.

копить денегъ, справить отцовскій домъ и потомъ жениться. Онъ нашелъ хорошее мѣсто въ Красноярскѣ; пишетъ, что получаю де 30 рублей на мѣсяцъ, на содержаніе выходитъ мало, завелъ себѣ хорошіе сапоги и т. п. Денегъ отцу не шлетъ. „Проманулъ онъ меня, какъ сома на удочку“,—жалуется всѣмъ и каждому бѣдный Исакъ.

Что до **нравовъ**, то и въ этомъ отношеніи молодежь, особенно дѣвицъ, держатъ строго. Женатые позволяютъ себѣ бо́льшее: разводы довольно часты (см. главу XVII). Вообще, хотя бракъ у старовѣровъ далеко не такъ проченъ, какъ у православныхъ, но нравы на Усенѣ ничуть не ниже, чѣмъ въ любой православной деревнѣ.

Въ другихъ отношеніяхъ нравы усеньчанъ также нельзя назвать низкими. Убійства сравнительно очень рѣдки. Въ три послѣднихъ года ежегодно случалось одно убійство, и это „всѣмъ на́диво“. Въ послѣдній разъ убили портного, который жилъ одиноко въ избушкѣ и любилъ, подъ пьяную руку, хвастаться деньгами; оказалось, что убили мальчишки: одинъ 17, другой 15 лѣтъ, тотъ и другой—„безъотцевскіе дѣти“; денегъ не нашли. Въ прошломъ году убили мужика въ дракѣ; всѣ были пьяны. Если эти факты сравнить съ уголовною хроникою другихъ заводовъ Приуралья, то разница окажется очень рѣзкою.

За десять лѣтъ существованія на Усенѣ кумысолѣчебнаго пункта здѣсь былъ только одинъ случай насилія по отношенію къ кумысникамъ: одинъ мальчикъ вырвалъ изъ рукъ кумысницы ридикюль и скрылся.—Воровство, однако, въ заводѣ распространено; чаще всего воруютъ коней. Можно думать, что главные виновники башкиры.

XXI. Характеристика. Въ современной деревнѣ можно различать два главныхъ типа. Одинъ—забитый, запуганный, считающій каждаго человѣка въ интеллигентномъ костюмѣ за начальство и вѣчно повторяющій: „гдѣ намъ?! мы люди темные; въ лѣсу сидимъ, пню Богу молимся“. Если-же онъ и не говоритъ этого словами, то доказываетъ на дѣлѣ. Дру-

гой типъ—разгульный, безшабашный, непризнающій никакихъ авторитетовъ. Усень-Ивановскіе старовѣры, на мой взглядъ, стоятъ посреди этихъ двухъ крайностей, однако нѣсколько ближе къ первой, чѣмъ ко второй. Уравновѣшенность, спокойное довольство тѣмъ, чтó есть, безъ нервнаго возмущенія неправдою жизни, безъ судорожныхъ порывовъ къ недосягаемому идеалу,—вотъ ихъ отличительныя черты.

Почтительное отношеніе усеньчанъ къ кумысникамъ и вообще къ интеллигентамъ, а также къ начальству не переходитъ ни въ запуганность, ни въ заискиваніе. Правда, изрѣдка встрѣчается наслѣдіе крѣпостного права—поклоны въ ноги. Одна бѣдная женщина совершенно не ожиданно для меня бросилась мнѣ въ ноги на улицѣ, когда я далъ ей 20 коп. на рубашку ея совершенно голому ребенку. 80-лѣтній старикъ разсказывалъ мнѣ, что они, избранные отъ всего общества старики-депутаты, „шесть разъ въ ноги поклонились“ своему бывшему „попу“, прося его достать со своей родины свою жену. Мѣстному лѣсничему также иногда кланяются въ ноги. Все это, конечно, наслѣдіе крѣпостного права. Въ поколѣніи, молодость котораго протекла уже послѣ 61 года, сознаніе собственнаго достоинства развито несравненно больше. „Прежде,—говорили въ сердцахъ крестьяне тому-же лѣсничему,—вашему брату свѣчку къ носу, а теперь развѣ огня къ носу?!“

Бодрое, жизнерадостное настроеніе не покидаетъ никогда даже и стариковъ. Нѣтъ того безконечнаго нытья на житейскія невзгоды, на бѣдность, съ какимъ нытьемъ вы обычно сталкиваетесь почти въ каждой великорусской деревнѣ. А между тѣмъ поводовъ къ такому нытью у усеньчанъ нашлось бы не мало. Вообще, спокойное наслажденіе жизнію, тѣмъ, чтó есть, характерно для усеньчанъ.

Но это спокойствіе ничуть ни философское. Оно основано на отсутствіи высшихъ интересовъ и высшихъ стремленій, на всецѣломъ погруженіи въ міръ практическихъ, матеріальныхъ интересовъ. Поэзіи слишкомъ мало на Усенѣ,

меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь у вообще бѣдныхъ поэзіею великоруссовъ. Главная причина тому, конечно, тѣ суровыя условія, среди которыхъ жили, а отчасти и теперь живутъ наши старовѣры. Разумѣю необходимость скрывать свои религіозныя убѣжденія, таить свое богослуженіе и церковные обряды или же совсѣмъ жить безъ богослуженія и обрядовъ. Самый поэтическій актъ въ жизни крестьянина—женитьба или замужество; здѣсь-же и главный центръ пѣсенной поэзіи. На Усенѣ свадьбы крутились въ 2—3 дня, даже скорѣе. Пріѣхалъ неожиданно священникъ, скорѣе сватай невѣсту и вѣнчайся, а то придется ждать 5—10 лѣтъ. Такъ и женились всѣ до самаго послѣдняго времени.

Сказать и то, что старообрядчество вообще сурово относится къ свѣтской поэзіи: грѣхъ пѣть пѣсни, страшный грѣхъ плясать, и т. п. Съ своимъ преклоненіемъ передъ буквою, съ мыслью о наступившемъ царствѣ антихриста, старообрядчество—одна изъ самыхъ анти-поэтическихъ религій въ мірѣ; и если въ настоящее время наши старовѣры (только не на Усенѣ) массами переходятъ въ сектанство, то одна изъ главныхъ причинъ этого, на мой взглядъ, тоска человѣка по поэзіи и искусству вообще.

Безъ поэзіи, съ умомъ, связаннымъ буквою старыхъ книгъ и авторитетомъ начетчикомъ, въ добавокъ забитымъ съ дѣтства нелѣпымъ механическимъ обученіемъ,—усеньчанинъ всецѣло погрузился въ сферу матеріальныхъ, практическихъ интересовъ. Жизнь за предѣлами „завода“ его нисколько не интересуетъ; даже о ближайшихъ сосѣдяхъ, какъ напримѣръ „надызахъ“, ходятъ самыя нелѣпыя представленія (см. гл. I); усеньчанинъ не сознаетъ себя членомъ великаго государства, въ которомъ, впрочемъ, и какихъ-либо правъ онъ совсѣмъ не имѣетъ. Даже любопытства сравнительно очень мало въ усеньчанахъ (исключая, конечно, дѣтей). Страсть къ деньгамъ, къ наживѣ очень сильны. Но трудолюбіе совсѣмъ не пропорціонально этой страсти. Усеньчане несравненно лѣнивѣе прочихъ великоруссовъ. Точнѣе, они практичнѣе и въ работѣ.

Обычный великоруссъ-крестьянинъ считаетъ работу, „тяжелую работу“ своимъ призваніемъ, „крестомъ“, возложеннымъ на него отъ Бога; и онъ несетъ этотъ „крестъ“ безропотно. Не то усеньчанинъ. Онъ всѣми мѣрами старается избѣгнуть тяжелой работы; онъ сваливаетъ такую работу на своихъ дѣтей, которыхъ вообще не стѣсняется приносить въ жертву своимъ интересамъ (напримѣръ, Офимья съ пафосомъ увѣряетъ, что она никогда не отдастъ замужъ свою младшую дочь, чтобы не оставаться безъ работницы въ домѣ); ухитряются нажить деньгу какой-нибудь легкой работой, напримѣръ продажей, а часто и перепродажей, овощей на вокзалахъ желѣзной дороги, содержаніемъ кумысниковъ и т. п. Наемъ рабочихъ, даже и въ такихъ случаяхъ, когда извѣстную работу можно-бы было произвести самимъ, очень обыченъ. Если человѣкъ дѣлаетъ все самъ для себя (безъ помощи своихъ дѣтей и работниковъ), то такую жизнь усеньчане называютъ „маетой“. Самое необходимое дѣло откладываютъ до послѣдняго срока, а то и совсѣмъ упускаютъ срокъ: мои хозяева въ теченіе двухъ недѣль собирались обрѣзать крылья у курицъ, чтобы тѣ не летали въ огородъ, но такъ и не собрались, пока куры не выгребли всю капусту.

Зависть къ богачамъ, а также къ тѣмъ, кто умѣетъ наживать деньгу безъ тяжелой работы, очень сильна.

Даже ребятишки надоѣдаютъ кумысникамъ своимъ попрошайничествомъ („баринъ, дай копѣечку!“), вина въ чемъ лежитъ, правда, въ самихъ же кумысникахъ, точнѣе: кумысницахъ, которыя раздавали дѣтямъ конфеты и деньги.

На мой взглядъ, болѣе чѣмъ позволительно думать, что въ этой, граничащей съ лѣнью, экономіи силъ усеньчанъ не осталось безъ вліянія близкое сосѣдство башкиръ, всегда страшно лѣнивыхъ и созерцальныхъ. Сказалась тутъ, конечно, и благодатная природа мѣстнаго края, гдѣ черноземная почва даже не выноситъ удобренія, трава растетъ вышиною съ человѣка, а баранина лѣтомъ, даже при массѣ пріѣзжихъ кумысниковъ, стоитъ всего 5 коп. фунтъ.

Есть, однако-же у усеньчанъ одна высшая симпатія, это —старая вѣра (точнѣе, пожалуй: старыя книги) и вообще— все старинное. Здѣсь усеньчанинъ послѣдователенъ и прямолинеенъ, не жалѣетъ ни денегъ, ни труда, чтобы только отстоять принципъ (напр., отказъ отъ денегъ за кабаки: см. гл. IX).

На мое замѣчаніе, что православные признаютъ одинаково правильнымъ, какъ троеперстіе, такъ и двуперстіе, Алексѣй К. съ жаромъ возражалъ: „а вотъ это-то и не ладно: должно быть одно: либо такъ правильно (показывая двуперстное сложеніе), либо такъ („щепоть“)! а по вашему, и такъ и такъ вѣрно“...

„Такъ въ *старыхъ* книгахъ написано“,—вотъ доказательство, сильнѣе котораго для усеньчанина нѣтъ.

„Старинное“—вообще идеалъ усеньчанъ. Эта лучшая похвала любой вещи. Старухи особенно любятъ одѣваться во все старинное или, по крайней мѣрѣ, похожее на старинное, по цвѣту и покрою. Дѣлаютъ такъ онѣ вполнѣ сознательно.

Дм. Зеленинъ.

Статья наша была написана до реформъ конца 1904-го и начала 1905-го года. Теперь, когда въ жизнь русскаго государства вообще и въ жизнь нашихъ старообрядцевъ въ частности проводятся начала вѣротерпимости, наша статья сразу-же получаетъ лишь историческій интересъ. Конечно, глубокіе слѣды тяжелаго режима будутъ еще долго жить въ средѣ старовѣровъ, но реформа, безспорно, обновитъ, возродитъ старообрядчество, и жизнь послѣдняго потечетъ теперь по новому руслу. Высказанное нами въ главѣ XX опасеніе за будущее старообрячества теперь потеряло свое главное основаніе. Обновленному старообрядчеству соблазны городской цивилизаціи будутъ несравненно менѣе опасны. Прежде молодежь пугало безправное положеніе старообрядчества, насмѣш-

ки по этому поводу православныхъ. Теперь это исчезло. И мы отъ души радуемся за нашихъ старообрядцевъ, которые, при всѣхъ тягостяхъ своей многострадальной судьбы, сохранили много прекрасныхъ чертъ русскаго народа.

Д. З.

